

ЭКСТРАНСИЯ

ШАНС ДЛЯ НЕУДАЧНИКОВ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Сергей
МУСАНИФ

Сергей Мусаниф
Роман Валерьевич Злотников
Шанс для неудачников
Серия «Вселенная
неудачников», книга 4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=646575

Шанс для неудачников: [фантастический роман]: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-080679-9

Аннотация

Генерал Визерс добился своего. Все участники трехстороннего конфликта потеряли большую часть космических флотов и лишились возможности вести звездные войны. Генерал Визерс проиграл. Гегемония скаари не только первой оправилась от нанесенного им удара, но и обрела то, что ей недоставало во все времена – единого лидера. Ящеры были во Вселенной Неудачников первыми, и они могут остаться в ней последними. Круг вот-вот замкнется. И все же у Империи и остатков Альянса остался последний шанс...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	28
Глава 3	48
Глава 4	65
Глава 5	82
Глава 6	96
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Роман Злотников, Сергей Мусаниф

Шанс для неудачников

© Р. Злотников, С. Мусаниф, 2011

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

На горизонте красный диск солнца тонул в темных водах океана.

Волны накатывали на берег. Из соседнего домика доносились звуки легкой джазовой музыки. Чуть поодаль компания молодых людей играла в пляжный волейбол, лениво перебрасывая мяч через еле натянутую сетку.

Со стороны океана дул прохладный бриз, принося облегчение перегретому за день побережью.

Я сидел в шезлонге, курил сигару и очень старательно ни о чем не думал. В частности, я не думал о том, что уже на следующей неделе мне придется возвращаться в Москву, где у меня нет ни жилья, ни работы, и перспективы обзавестись хотя бы чем-то из перечисленного весьма туманны.

Кроме того, возвращение в Москву означало, что мое приключение закончилось, даже не успев толком начаться. Полторы недели блужданий по девственным джунглям Белиза закончились весьма предсказуемым пшиком. Наверное, глупо с моей стороны было рассчитывать на успех там, где успели обломать зубы лучшие разведки мира.

Дядя Том, первый из конкурентов, встреченный нами по возвращении и сразу прочитавший итог экспедиции по выражениям наших лиц, довольно скалил зубы, обещал поставить нам дармовую выпивку и всего раз помянул свой люби-

мый авианосец на рейде. Израильский «энтомолог», на которого мы наткнулись чуть позже, халявной выпивки не обещал, зато попытался обнадежить нас соображением, что «когда-нибудь кому-нибудь обязательно повезет, и тогда мы всё узнаем, хотя, вполне возможно, к тому моменту все мы уже будем на пенсии и узнавать всё придется из телевизора и газет», и даже местные полицейские смотрели на нас с изрядной долей сочувствия.

– Холодное пиво, – объявил Холден, появляясь на пороге своего бунгало. В подтверждение своих слов он слегка позвенел бутылками. – У меня на льду стоит бутылка шампанского, но мне почему-то кажется, что при нынешнем раскладе мы его не заслужили.

– Ты прав, – сказал я. – Будем пить пиво.

Холден передал мне бутылку и плюхнулся в соседний шезлонг. На британском агенте были линялые шорты и мятая цветастая рубашка, которую я ни разу не видел на нем застегнутой.

– Я дал себе слово, что когда-нибудь откупорю эту бутылку шампанского, – сказал Холден. – В крайнем случае я откупорю ее, когда меня отзовут в Лондон и выдадут новое назначение в какое-нибудь долбаное Сомали, где агенту моего класса и вовсе нечего делать.

– Там пираты, – напомнил я.

– Это они в море пираты. Но в море и без меня есть люди, которые с переменным успехом им противостоят, – ответил

Холден. – А на берегу эти пираты – мирные рыбаки с метровыми мачете, которыми они отрежут голову любому белому, подошедшему к ним слишком близко.

– Зачем мирным рыбакам метровые мачете?

– Чтобы разделявать рыбу и при случае отрезать головы идейным противникам, – пояснил Холден. – Надо признать, Джеймса Бонда из меня не получилось. Пора всерьез задуматься о новой карьере.

Я свернул пробку на своей бутылке и глотнул пива. Холодное.

– Я думаю, осталось совсем немного времени, а потом эту тему отдадут американцам, – продолжал Холден. – Пусть они подгоняют сюда свой авианосец, разворачивают полномасштабную боевую операцию, вырубает джунгли... да пусть они хоть напалмом их залиют. Я хочу оказаться как можно дальше отсюда, когда они начнут свои обычные пляски вокруг «восстановления демократии» и «поисков оружия массового поражения».

– Они еще из Ирака не вылезли, да и с Афганистаном до конца ничего не понятно.

– Полагаешь, дядя Сэм с дядей Томом не потянут войну на трех направлениях?

– С кем тут воевать? С индейцами?

– А почему нет? Это было бы символично, – заявил Холден. – Американский спецназ против древнего пророчества майя, сулящего всему человечеству скорую и неотвратимую

гибель. Они еще потом десяток блокбастеров на эту тему снимут.

– Не любишь ты дядю Тома.

– Он меня достал, – сказал Холден. – Ходит с самодовольным видом и ведет себя так, будто это его страна.

– У него авианосец на рейде, – напомнил я.

– А у вас – подводная лодка в заливе.

– Да? – удивился я.

– По крайней мере, рыбаки жалуются, что из-под воды доносятся звуки балалайки и короткие, но очень эмоциональные команды на незнакомом языке.

– Откуда им знать, как звучит балалайка?

– Понятия не имею, – пожал плечами Холден. – Но говорят они об этом весьма уверенно.

Я глотнул пива и затянулся сигарой.

Что-то в происходящем казалось мне неправильным, но я пока не мог понять, что именно. Белиз, джунгли, Холден, холодное пиво, кубинская сигара, закат, бриз... Все это вполне могло бы иметь место в действительности, но в списке явно присутствовали лишние элементы.

Пиво, сигара и закат в схему вписывались...

– Что-то не так, – сказал я Холдену.

– Про рыбаков я приврал, – согласился он. – Но чья-то подводная лодка в заливе точно есть. Если не ваша, то китайская.

– Я не об этом.

– А о чем?

– О ситуации в целом.

– Это верно, – кивнул Холден. – В целом в ситуации что-то не так.

– Может быть, ты даже скажешь, что именно?

– Нет, – мотнул головой он.

– Почему?

– Ты должен это сам понять. Мне ты не поверишь.

– Ты, я смотрю, тоже доволен собой.

– Не без этого. Тебя раздражает мое самодовольство?

– Немного, – признал я. – Тянет слегка подрихтовать тебе челюсть.

– Опять?

– Разве я когда-то это уже делал?

Он ухмыльнулся, и тогда я понял, что именно мне казалось неправильным. Джунгли, океан и закат были на месте. Двумя лишними элементами, которые не вписывались в эту идиллическую картину, были мы с Холденом. Я вспомнил, когда и при каких обстоятельствах я уже пытался подрихтовать ему челюсть, а вспомнив это, вспомнил и все остальное.

Холден просто не мог любоваться закатом и пить пиво на веранде своего бунгало в Белизе, потому что он был мертв.

А поскольку я и сам был недалеко от этого состояния, меня тут тоже быть не должно.

– Вижу, ты начинаешь вспоминать, – констатировал Холден.

– Ты умер на Веннту, – сказал я. – Сгорел из-за того, что мы не смогли найти для тебя скафандра с герметичным шлемом.

– Как ты понимаешь, любви к скаари мне это не прибавило, – хмыкнул он. – А где сейчас ты?

– Должен лежать в криостазисе на «Одиссее», – сказал я. – Сейчас и еще примерно двести пятьдесят лет, если нам повезет.

– Вам не повезет.

– Это угроза?

– Это предположение, основанное на моем знании жизни, – сказал он.

– Но если я сейчас физически нахожусь на «Одиссее», а ты и вовсе мертв, то как мы...

– Неверный вопрос, – покачал головой Холден. – Главное, не как мы с тобой беседуем. Главное – где.

– И где же?

– В твоей голове, – объявил агент.

– То есть ты мне снишься?

– Типа того, – ухмыльнулся он. – Я же мертв, где я еще могу с тобой побеседовать?

– Визерс говорил, что во время криостазиса сны не снятся.

– Ну, это ж не первая аномалия, к которой ты причастен, – напомнил Холден.

– Но почему ты? Почему из великого множества храня-

щих в моем мозгу образов подсознание выбрало именно тебя?

– Из-за комплекса вины, я полагаю, – сказал он. – Ты завалил дело.

– Мы были бессильны, – заспорил я. – Визерс включил свое устройство еще до того, как ты нам о нем рассказал.

– Похоже, что твое подсознание это оправдание не устраивает.

– Возможно, – согласился я. – А почему именно Белиз?

– Земля, – сказал Холден. – Твоя родная планета и последнее место на ней, где было тихо и спокойно.

– Раз уж мы оба здесь, ответь на один вопрос...

– Кто я?

– Да.

Он покачал головой:

– Не могу. Я – всего лишь плод твоего подсознания, и я знаю только то, что известно тебе. А ты понятия не имеешь, кто я такой.

– Сколько времени прошло с начала полета?

– Не знаю.

– Гастингс еще жив?

– Не знаю.

– Похоже, толку от тебя немного.

– Ну, извини. И потом, для покойников должны быть скидки.

– Ты и при жизни обожал недоговаривать.

– Помимо этого у меня были и другие достоинства, – вот уж воистину, сон разума рождает чудовищ.

– Могу ли я подрихтовать воображаемую нижнюю челюсть – порождение моего подсознания?

– Ты можешь попробовать, – кивнул он. – А можешь продолжать пить воображаемое пиво и любоваться закатом. Благо, пиво тут всегда холодное, а закат будет длиться столько, сколько ты захочешь.

– Я все же предпочел бы другую компанию.

– Над этим я не властен, – развел руками Холден. – Но не сомневаюсь, что я – не самое худшее, что тебе могло привидеться. Тебе могли бы сниться скаари и их чертовы танки, например. Едва ли это было бы очень приятно.

– В этом что-то есть, – согласился я.

– Наслаждайся отдыхом, – посоветовал Холден. – Как бы ни повернулась ситуация на «Одиссее», эта передышка вполне может стать последней для всего вашего экипажа.

Часть первая

Дивный новый мир

Глава 1

Боль.

Визерс не предупреждал, что это будет так больно.

Каждую клеточку моего тела будто бы поджаривали на адском огне. Мне казалось, что моя кровь кипит, глаза вот-вот взорвутся, а мозг уже готов хлынуть из ушей горячей серой массой. Я орал бы во весь голос, но легким не хватало воздуха.

Это было невыносимо. Я попытался потерять сознание и вернуться в Белиз, к Холдену и холодному пиву, но у меня ничего не вышло. Наверное, это было правильно. Из ада не может быть такого легкого выхода.

Чтобы не сойти с ума от боли, я принялся считать, но сбился уже на второй сотне. Тогда я начал напевать все известные мне песенки, и... Не могу сказать, что это сильно помогало, но через какое-то время ад отступил.

Боль все еще присутствовала, но стала терпимой. Перед глазами плыла кровавая пелена, кислород ворвался в легкие живительной струей прохлады, и тогда... тогда я сказал, а

точнее, прохрипел все, что у меня накопилось, и сделал это на всех известных мне языках.

Или мне только показалось, что я это сделал.

Тем не менее я довел свою тираду до логического завершения и только после этого потерял сознание.

Во тьме ко мне пришли голоса.

– Это он?

– Да, несомненно. Генетическая карта полностью совпадает.

– Мозг не пострадал?

– Не должен был. Здесь установлено самое совершенное на тот момент оборудование.

– Наше оборудование не тестировалось на людях.

– Они внесли изменения в конструкцию с поправкой на то, что криостазис будет использоваться для людей, и я полагаю, что все будет нормально.

– Полагаете?

– Я – всего лишь корабельный врач, а не криохирург. Я предлагал подождать...

– А еще вы говорили, что оборудование автономно и процедура вообще не требует вашего вмешательства.

– Да, я говорил...

– Тем не менее двое уже мертвы, а один полностью потерял память.

– Вероятность подобного исхода никогда нельзя исклю-

чить.

– И тем не менее вы настаиваете, что с этим все будет в порядке?

– Точно я смогу сказать только после того, как он придет в себя.

– Как скоро это случится?

– Судя по показаниям приборов, это уже случилось.

– Да? Но он все еще выглядит как овощ. Эй! Ты меня слышишь?

Вряд ли поблизости находился кто-то еще, к кому мог быть обращен этот вопрос, и я принял его на свой счет.

Первым делом я попытался открыть глаза, и, несмотря на успех этого предприятия, ясности оно не добавило. Перед глазами стояла красная завеса, которую кое-где прореживали белые пятна.

– Моргните, если вы меня слышите, – сказал второй голос.

В отличие от первого, властного и несколько грубоватого, он мог принадлежать человеку, который пытался быть вежливым со всеми окружающими. Как правило, окружающие не слишком жалуют таких людей.

Я моргнул. Движения век вызвали новый приступ головной боли.

– Вы ничего не видите? Моргните один раз, если да.

Скотина, знал бы ты, чего мне это стоит... Я снова моргнул.

– Ты Алекс Стоун?

– Конечно, он Алекс Стоун. – Во втором голосе прорезались нотки раздражения. – Генетическая карта...

– Плевать я хотел на генетическую карту. Мне нужно знать, насколько он осознает происходящее.

– П... п... – прохрипел я.

– Пить? – уточнил второй голос. – Вам сейчас нельзя пить. Криожидкость еще полностью не выведена из организма и...

– Пп... пошли вы оба, – со второй попытки у меня таки получилось. Надо ли говорить, что это вызвало новый приступ мигрени? – Оставьте меня в покое.

– Вот видите, речевые функции к нему уже возвращаются, – произнес второй голос. – И лучшее, что мы сейчас можем сделать, это действительно оставить его в покое.

– Но я...

– Понимаю, что вам не терпится с ним поговорить. Но сейчас вряд ли он готов вас слушать.

Следующий период я помню смутно.

Боль накатывала волнами, я то и дело проваливался в забытие, но в Белиз, к Холдену, вернуться мне так и не удалось.

В те редкие моменты, когда я был в сознании и боль казалась терпимой, я пытался проанализировать текущую ситуацию. Мысли путались, и получалось плохо.

Очевидно, я все еще был на борту «Одиссея».

Очевидно, кто-то еще был на борту «Одиссея», и этот кто-то размораживал людей. Размораживал не просто так, а потому что ему что-то было нужно.

Неужели прошло двести пятьдесят лет и мы прилетели на Борхес? Почему-то я был уверен, что это не так.

В голосах людей было что-то знакомое. Не то чтобы я знал эти голоса, но у обоих присутствовал очень характерный гортанный акцент, который не так уж часто встретишь у людей...

У людей не встретишь...

У людей...

У людей...

Это не люди, внезапно понял я. Это кленнонцы.

А значит, нам конец.

Я попытался себя убедить, что это не могут быть кленнонцы. Им просто неоткуда тут взяться.

Когда мы взлетали с Веннту, никаких кленнонцев на борту не было. Откуда бы они взялись теперь? Взяли на абордаж корабль, движущийся с релятивистскими скоростями?

Но это их фирменное «р» трудно с чем-то перепутать...

Хорошо, допустим, что это кленнонцы. Тогда почему мы еще живы?

Потому что им что-то нужно. Скорее всего, они хотят знать, что произошло на Веннту, а никто за пределами нашего корабля не обладает знаниями о гиперпространственном шторме, который устроил Визерс.

Сколько же лет прошло с тех пор? Неужели стороны успели обзавестись новым прыжковым флотом, или же в расчеты генерала вкралась какая-то ошибка?

Но если это кленнонцы, то они могли прилететь сюда только на прыжковом корабле. Путешествие с досветовыми скоростями отняло бы у них слишком много времени. Я попытался подсчитать, сколько именно времени им бы на это потребовалось, но тут снова накатила боль, и я провалился во тьму.

Зрение ко мне понемногу возвращалось. Окружающее по-прежнему было представлено в красно-белых тонах, но теперь белые пятна начали принимать конкретные очертания.

Более-менее узнаваемые.

По крайней мере, мне показалось, что я узнал потолок и корабельные светильники. Похоже, мы все еще в космосе. Абордаж на релятивистских скоростях все-таки возможен, или кленнонцы овладели сложным искусством телепортации и материализовались прямо на нашем корабле?

Тело все еще представлялось одним сгустком боли. Я попытался пошевелить пальцами рук, но не смог сообразить, где они находятся и какие мышцы отвечают за это движение.

Наверное, мне пора было паниковать.

Но я не стал. Мне для этого все еще было слишком больно.

Белое пятно, имевшее характерные очертания кленнонца, нависло над моей койкой.

– Вам лучше? – Это был обладатель второго голоса, отрекомендовавший себя корабельным врачом.

– Немного, – голос хрипел и дрожал, но это был мой голос.

В горле пересохло, и слова давались мне нелегко, но по крайней мере не придется больше моргать по команде.

– Вы быстро восстанавливаетесь.

– Я... рад.

– Аномально быстро для человека.

– Этому... тоже рад, – я вообще полон сюрпризов, док. Но о некоторых вам все же лучше не знать.

– Зрение возвращается?

– Отчасти.

– Скоро я смогу дать вам болеутоляющее.

– Какой... год?

– Какой сейчас год?

– Да.

– Боюсь, я не могу вам этого сказать.

– Сволочь.

– У меня инструкции, – сказал он. – Я должен как можно быстрее поставить вас на ноги, и я не имею права давать вам никакой информации о текущем положении дел.

– Сколько... еще людей вы... разморозили?

– И этого я не могу вам сказать.

– Тогда зачем... ты здесь вообще?

– Для того чтобы дать вам обезболивающее.

– И где оно?

– Скоро подействует, – пообещал он.

И не соврал.

Когда я в следующий раз попробовал открыть глаза, зрение уже почти вернулось. Вокруг по-прежнему преобладали красно-белые тона, а предметам не доставало резкости, но по крайней мере я мог понять, где нахожусь.

В одной из многочисленных кают «Одиссея».

Рядом с койкой стояло какое-то хитроумное медицинское приспособление, от которого к моему телу вело сразу несколько трубок, по ним подавалась прозрачная жидкость. Вряд ли это просто витамины.

Дисплей хитроумного медицинского приспособления был в поле моего зрения, но прочитывать данные с него я не мог.

Острая боль сменилась тупой и ноющей, но, хотя она не покинула мое тело окончательно, теперь ее можно было терпеть, и она не мешала думать.

Одна из трубок аппарата была присоединена к правой руке, и, чтобы ее не потревожить, я начал экспериментировать с левой. Пальцы слушались. С третьей попытки мне даже удалось оторвать руку от кровати и поднести ее к лицу. Вопреки моим ожиданиям, рука выглядела вполне нормальной. Никак не похожей на руку покойника. Ожогов на ней тоже не обнаружилось, хотя я был готов поклясться, что еще некоторое время назад меня поджаривали на медленном огне, как какого-нибудь средневекового грешника. А ведь кленнонская медицина считалась самой продвинутой в исследованном секторе галактики.

По крайней мере, она считалась таковой до того, как Визерс попытался засунуть этот сектор галактики обратно в средневековье.

Итак, что мы имеем в сухом остатке?

Азим мертв.

На борту «Одиссея» кленнонцы.

Визерс и Риттер в криостазисе и вполне могут умереть в процессе оттаивания.

Кира тоже, но еще не факт, что ее вообще попытаются разморозить. Не думаю, что кленнонцам потребуются все члены экипажа. Разве что они прилетели сюда, чтобы ставить на нас какие-то опыты, как на лабораторных мышах.

Какой сейчас год? Неизвестно. Что произошло за то время, что мы пропустили, пока валялись в холодильниках? Тоже неизвестно.

Восхитительная ситуация. Впрочем, это ведь у меня уже не в первый раз.

– Как вы себя чувствуете?

– Полон сил и готов сыграть в американский футбол.

– На каком языке вы сейчас говорили?

– На русском. Был раньше такой язык, док.

– Я не специалист по мертвым наречиям, – сказал кленнонец. – Так как вы себя сейчас чувствуете?

– Вполне сносно, спасибо.

– Слабость, головокружение?

– Не без этого. Но по сравнению с тем, что было совсем

недавно...

– Это обычные побочные эффекты быстрой разморозки. Нормальный эффект восстановления после нахождения в криокамере занимает...

– Недели. Я знаю, док.

– Вас помещали в криостазис и ранее?

– Нет. Не меня, знакомого. Но я успел более-менее ознакомиться с процедурой...

– Хорошо. Теперь вы должны ответить на несколько вопросов. Мне нужно убедиться, что ваш мозг работает, и вы не страдаете криоамнезией.

– Я вообще не знаю, что такое амнезия, док.

– И все же... Ваше имя?

– Алекс Стоун. – В конце концов, оно похоже на настоящее, и в этом времени именно Стоуном мне довелось пробыть дольше всего.

– Когда вы родились?

Я сказал.

– Не самый удачный момент для шуток.

– Это долгая история, – сказал я. – Если считать чистое время, я полагаю, что мне под тридцать. Я сказал бы вам точнее, если бы вы сообщили мне, сколько времени мы провели в полете. Хотя... для установления чистого времени это вроде бы и неважно, да?

– Вы помните алфавит?

– Даже несколько.

– Назовите хоть один.

Я назвал все буквы, входящие в алфавит общего языка Альянса. Кленноннский доктор сделал отметку в своем КПК.

– Таблицу умножения рассказать? – поинтересовался я.

– На восемь.

Еще одна отметка.

– Вы знаете, где находитесь?

– Полагаю, что все еще на борту космического корабля, который вы захватили. Кстати, как вы это сделали?

– Вы помните, откуда летел ваш корабль? – спросил доктор, проигнорировав мой собственный вопрос.

– А должен?

– Куда вы направлялись?

– Док, кто тут у вас главный?

– Капитан Рейф.

– Чудесно. Давайте мне сюда капитана Рейфа.

– Прежде чем я позову его, я должен убедиться, что вы полностью отдаете себе отчет...

– Я вполне адекватен, – сказал я. – По крайней мере, по моим собственным стандартам, которые, вне всякого сомнения, несколько отличаются от общепринятых. Но я вас уверяю, адекватнее вам меня уже не сделать. Я таким родился.

Обладающий властным голосом и хамоватыми манерами капитан Рейф соизволил явиться пред мои светлые очи только через два часа, чем вызвал немалое мое раздражение.

Впрочем, хорошие манеры среди кленнонцев являются такой же редкостью, как воздержание среди кроликов.

Капитана сопровождали доктор и двое штурмовиков в легких доспехах. Интересно, что именно Рейф обо мне слышал?

– Назови себя, – заявил он с порога.

– Алекс Стоун, и вы чертовски хорошо это знаете.

– Перечисли другие имена, которые ты носил.

– Алексей Каменский, – назвал я имя, значившееся в моих детдомовских документах.

Я и раньше не очень любил это имя, а после того как детективы Александры Марининой и их главная героиня приобрели бешеную популярность, и вовсе начал его ненавидеть. Каждый раз после того, как я называл свою фамилию, мне приходилось выслушивать какую-нибудь дежурную шутку.

– Еще, – потребовал Рейф.

– Называйте меня просто Лёшей.

Рейф обернулся в сторону доктора:

– Мы можем применить пентотал-3?

– В его состоянии? Это будет равносильно убийству.

– Жаль, – поморщился Рейф и снова повернулся ко мне. –

Какие еще имена ты носил?

– Вы просто назовите то, которое хотите услышать, а я скажу, так это или нет, – предложил я. – Это сэкономит время нам обоим.

– Амаль ад-Дин, названный сын Асада ад-Дина.

– Да, это я. Не слышали, как там папа?

– Что ты делал на Веннту?

– Как обычно. Пытался спасти мир, но не преуспел.

У кленнонцев нет бровей, поэтому капитан Рейф поиграл складками на лбу.

– Как была уничтожена Веннту?

– Во время альтернативной операции по спасению мира.

О ней вам лучше поговорить с генералом Визерсом. Или вы забыли его разморозить?

– Не забыли.

– Так у него и спросите, он лучше в этом разбирается.

– Мы бы спросили, но по причинам медицинского характера генерал Визерс сейчас не очень разговорчив. У него криоамнезия.

– Не повезло вам.

– Поэтому я спрашиваю тебя.

– Я и рад бы вам помочь, но дело в том, что я совершенно не разбираюсь в технической стороне вопроса, – сказал я. – Видите ли, на Веннту я как раз занимался тем, что пытался помешать генералу Визерсу делать то, что он делал.

– Объясни, как умеешь.

– Тогда в двух словах, – сказал я. – Генерал Визерс взорвал системообразующую звезду и часть энергии от этого взрыва попытался направить в гиперпространство, в попытке спровоцировать там колебания, которые уничтожили бы

стержни Хеклера. Скажите, он преуспел?

– Значит, Веннту не являлась основной целью?

– Насколько мне известно, нет.

– А ты пытался это остановить?

– Да. Но как потом выяснилось, шансов для этого не было.

– Почему?

– Мы просто опоздали, – сказал я. – Времени не хватило.

– Я не об этом. Почему ты пытался его остановить?

– Мне не очень нравятся планы, побочным эффектом ко-

торых является гибель населения целой планеты.

– Но теперь вы с ним на одном корабле. Почему?

– Я здесь, как бы это сказать... почетный гость.

– Хочешь сказать, ты здесь против своей воли?

– На борт меня вообще притащили в бессознательном со-

стоянии.

– Не верю ни единому слову, – объявил капитан Рейф. –

Док, когда мы сможем повторить этот разговор с применением пентотала-3?

– Не раньше, чем через три-четыре дня, – сказал тот. –

Может быть, через неделю. Это зависит от того, с какой скоростью будет идти процесс восстановления.

– Слишком долго.

– Вы и так заставили меня действовать с нарушением про-

токола...

– Команда этого корабля – не ваши пациенты, – сказал

Рейф. – Они – военнопленные...

– Разве император разрешил применять пытки? – спросил доктор.

– В экстренных случаях.

– Даже если сейчас мы имеем дело с экстренным случаем, статус этих людей под вопросом.

– С кем теперь воюете? – поинтересовался я.

Рейф смерил меня гневным взглядом и ничего не сказал ни мне, ни доктору. Вместо этого капитан подал знак следовать за ним, и все четверо покинули мою каюту, так и не ответив на вопрос.

Глава 2

После этого разговора несколько корабельных суток меня никто не трогал. Трижды в день приходил доктор, проверял мое самочувствие и кормил питательным желе из тюбиков, старательно игнорируя все мои попытки заговорить с ним на не связанные с медициной темы. Видимо, капитан Рейф действительно посоветовал ему избрать именно такую линию поведения.

Я потихоньку возвращался в нормальное состояние. На второй день после разговора с капитаном меня отсоединили от медицинского агрегата, а в конце третьего дня я уже смог самостоятельно встать с кровати и проковылять пару шагов до противоположной стены моей каюты. Правда, потом мне пришлось опереться на эту стену обеими руками и провести так минут сорок, ожидая, пока закончится головокружение, а в конце обратного пути я бревном рухнул на кровать.

Понемногу я пытался размышлять, что же представляет собой дивный новый мир, в котором я оказался, но созданный вокруг меня информационный вакуум этим размышлениям отнюдь не способствовал.

Кленнонцы все еще являются Империей, и, судя по заявлению капитана Рейфа о военнопленных, они с кем-то воюют.

Либо план Визерса не сработал, и Веннту погибла зря,

либо ребятам потребовалось не так уж много времени, чтобы восстановить необходимое для войны количество прыжковых кораблей. Либо – и этот вариант, пожалуй, был бы самым неприятным – мы провели на борту «Одиссея» куда больше двухсот пятидесяти лет, на которые рассчитывали изначально.

Хотя... мне-то какая разница? За пределами «Одиссея» у меня практически не осталось знакомых, а мир, который мы потеряли... по большому счету, он никогда и не был моим.

На четвертый день в каюту заявили двое штурмовиков, которые принесли с собой легкий «гостевой» скафандр.

В отличие от боевых и технических костюмов, такие скафандры не предлагают своему владельцу ничего, кроме небольшого запаса кислорода, коммуникатора и регулятора температуры. Ни оружия, ни инструментов, ни собственных двигателей. Собственно говоря, он потому и называется «гостевым».

Один штурмовик держал меня под прицелом, второй помог влезть в амуницию и проверил, правильно ли сидит шлем.

– Мы отправляемся в новое путешествие? – спросил я, но ни один из штурмовиков не снизошел до ответа.

Ладно, не очень-то и хотелось.

Убедившись, что костюмчик на мне сидит, штурмовики взяли меня под руки и поляризовали лицевую пластину шлема до полной непрозрачности.

Ого, как здорово!

Иногда осторожность граничит с паранойей, и сейчас как раз тот самый случай. Сомневаюсь, что в нынешнем своем состоянии я мог представлять для кого-то угрозу, даже если бы на мне был тяжелый боевой доспех «Черного дракона» в полном снаряжении.

Сто двадцать шагов по коридору, лифт на нижние уровни, шлюзовой отсек, пять ступенек вверх по трапу легкого десантного катера.

Штурмовики помогли мне устроиться в кресле и пристегнуть ремни, через несколько минут я почувствовал легкую вибрацию корпуса, соответствующую включению двигателей, а потом – легкий толчок, свидетельствующий о том, что катер отправился в полет.

Поскольку коммуникатор мне отрубили, поинтересоваться, куда мы летим, пусть даже не надеясь на ответ, не представлялось никакой возможности, и весь полет я провел в тишине и темноте. Еще и с двукратными перегрузками в конце полета, что тоже было не очень комфортно.

Пять шагов вниз по трапу мне пришлось проделать на подгибающихся от слабости ногах.

То ли за время полета мне сильно поплохело, то ли гравитация в пункте назначения оказалась выше, чем на «Одиссее». Учитывая, что хозяевами положения являются кленонцы, я мысленно проголосовал за второй вариант. Похо-

же, меня переправили на их корабль.

Сто семьдесят три чертовски тяжелых шага, короткая остановка у лифта, подъем, еще пятьдесят восемь шагов, снова остановка, пятнадцать шагов, поворот налево... Ага, кресло. Судя по всему, еще и компенсирующее повышенные нагрузки.

Неплохо. А могли бы просто выстрелить в затылок и выбросить тело в космос. Или просто выбросить в космос, забыв подарить скафандр.

Чьи-то руки стянули с моей головы шлем, и мне пришлось зажмурить отвыкшие от света глаза.

– Оставьте нас, – приказал кто-то по-кленнонски.

Удаляющиеся шаги, звук аккуратно закрываемой двери.

– Удивительно, – сказал тот же голос уже на общем языке Альянса. – Жизнь все же полна неожиданностей. А вы практически не изменились за все эти годы, Алекс.

Голос показался мне знакомым, но ни с каким конкретным лицом не соотносился. Впрочем, для неискушенного уха все кленнонцы рычат одинаково.

– Пока не могу ответить взаимной любезностью, – сказал я, отчаянно пытаюсь навести резкость. Фигуру кленнонца на другом конце довольно просторной каюты я уже мог рассмотреть, но детали от меня по-прежнему ускользали. – Я вас знаю?

– Скажем, мы однажды встречались и были представлены друг другу, – ответил кленнонец. – Так что это вторая наша

встреча, и проходит она при не менее драматических обстоятельствах, нежели первая.

– Если обстоятельства первой встречи были столь драматичны, вы могли бы их мне напомнить, – сказал я.

– Новая Колумбия, – сказал он. – Лагерь для военнопленных.

– Адмирал Реннер? – удивился я.

Не помню, чтобы мне там представляли еще какого-то кленнонца.

– Герцог Реннер, – поправил он. – Я уже слишком стар для того, чтобы командовать боевыми кораблями. Теперь я занимаюсь дипломатией.

– Дипломатия – это продолжение войны, только другими средствами, – сказал я.

– Да, цели прежние, а набор средств изменился. Пришлось мне обучиться паре новых трюков.

– Не сомневаюсь, что обучение было успешным.

– Император придерживается того же мнения, и я не осмелился бы с ним спорить, – сказал Реннер. – По крайней мере, в этом вопросе.

В «старые добрые времена» адмирал Реннер считался военным гением Кленнонской Империи и, пожалуй, был самым авторитетным военачальником во всем Исследованном Секторе Космоса, этакой легендой при жизни. На этой почве его очень не любил молодой император Таррен Второй, а потому Реннера вечно посылали командовать группами войск,

находящихся как можно дальше от столичной планеты.

Видимо, новый владыка Империи сменил гнев на милость, и Реннер оказался приближен ко двору. Стоп, а почему именно новый? Если Реннер до сих пор жив, то вполне возможно, что и император у кленнонцев остался прежним.

За счет генетических модификаций кленнонцы живут дольше, чем люди, а император был моложе своего именитого военачальника.

– Что вообще происходит? – спросил я. – Или у вас тоже инструкция ничего мне не говорить?

– Нет, линию поведения капитана Рейфа задавал я, – сказал Реннер. – Мои же действия ограничены только волей моего императора, а он полностью мне доверяет. Я же в свою очередь стараюсь не обременять его деталями.

– Кто у вас сейчас император?

– Император у нас прежний. – Что и требовалось доказать, собственно.

– Помнится, раньше он не очень вас жаловал, ваша светлость.

– Это было давно, – сказал Реннер. – Он повзрослел, я постарел, мы оба стали мудрее.

– Могу ли я поинтересоваться, насколько давно это было? Если можно, в цифрах.

– До того как «Одиссей» был перехвачен нашим дредноутом, он провел в полете сто семьдесят девять лет.

– Я думал...

– Вы шли на Борхес, – перебил Реннер. – Где вас ждало бы одно сплошное разочарование. Борхес не пережил изоляции.

– Но это же аграрный мир. Что там могло случиться?

– Эпидемия, – пояснил Реннер. – Какая-то мутировавшая разновидность местной лихорадки. Они не смогли синтезировать вакцину, а запросить помощи было неоткуда.

Значит, план Визерса все же сработал, и теперь нам придется иметь дело с его последствиями.

– Теперь я задам вам вопрос, – сказал Реннер. – Что вам известно о гиперпространственном шторме?

Отпираться и заявлять, что я о таком явлении вообще впервые слышу, не было никакого смысла. Если они здесь, если они нашли «Одиссей» и задают эти вопросы, то большая часть ответов им все равно известна. К тому же я вообще не обещал Визерсу хранить молчание и не считал себя связанным никакими обязательствами ни с ним лично, ни с СБА.

Мы договаривались только о временном сотрудничестве, а теперь и оно стояло под большим вопросом, ибо к этому моменту генерал уже вполне мог быть мертв.

– Гиперпространственный шторм был идеей генерала Визерса, – начал я. – Он считал, что сможет остановить военные действия, если лишит участвующие в конфликте стороны прыжковых кораблей.

– Какое лично вы имели к этому отношение?

– Я был в составе группы полковника СБА Джека Риттера,

которая пыталась помешать генералу.

– Почему вы приняли такое решение?

– Потому что опасались, что лекарство окажется опаснее, чем болезнь. Примеры Борхеса и Веннту свидетельствуют в нашу пользу. Хотя я и не могу сказать, сколько людей погибло бы тогда, если бы война продолжилась.

– Думаю, сейчас этого никто не может сказать. Вам известна дальнейшая судьба полковника Риттера?

– Он был на «Одиссее». Скажите своим людям, чтобы они поискали в холодильниках... в криокамерах... тело однорукого мужчины.

– Как вышло, что группа Риттера оказалась на «Одиссее»?

– Большая часть группы погибла. Мы пошли на штурм и были взяты в плен людьми Визерса.

– Почему он вас не убил?

– Наверное, потому что он все-таки не маньяк, а мы к тому моменту ему уже ничем не угрожали, – предположил я. – Впрочем, об этом вам лучше спросить у самого Визерса.

– У него криоамнезия. Последние полтора года выпали из его памяти.

– Очень удачно для него, – заметил я.

– Я тоже так думаю.

– Могу теперь я спросить?

– Да.

– Зачем вы здесь? Я не верю, что вы оказались здесь случайно, пролетали мимо «Одиссея» и взяли его на бордаж

только для того, чтобы практику не терять. Вы нас искали. Зачем?

– В рамках расследования случившегося на Веннту, – сказал Реннер. – Планета не была частью Империи, но ее населяли кленнонцы. Для императора это важно, особенно сейчас.

А то, что имперские войска дважды атаковали Веннту и подвергали ее поверхность орбитальным бомбардировкам, императору, видимо, уже неважно. Новая политическая ситуация по-новому расставляет приоритеты.

– Капитан Рейф утверждал, что команда «Одиссея» – военнопленные, – сказал я. – Вы на самом деле с кем-то воюете, или это он для красного словца?

– Фактически война, начавшаяся сто восемьдесят лет назад, так и не закончена, – ответил Реннер. Классический туманный ответ дипломата. Похоже, он действительно хорошо учился. – Как вы себя чувствуете?

– Сносно, учитывая ситуацию.

– Вам предоставят каюту на борту моего корабля, – сказал Реннер. – Отдыхайте, набирайтесь сил.

– Э... Скажите, я вам нужен только как свидетель в рамках вашего расследования или...?

– Мы еще поговорим об этом, когда я соберу больше данных, – пообещал Реннер. – На борту «Одиссея» остался кто-то, кто важен не только для моего расследования, но и лично для вас? Видите ли, у меня нет намерений воскрешать весь

экипаж, но я готов пойти вам навстречу, если вы назовете конкретные имена.

Стараясь не думать о том, за что мне такие поблажки и что адмирал впоследствии может потребовать взамен, я назвал имя Киры.

Моя новая каюта находилась в зоне пониженной гравитации, что оказалось весьма кстати. Я и так был далек от своей идеальной формы, а нахождение при нормальной для клен-нонцев полуторной силе тяжести вытягивало последние силы.

Обстановка в каюте была скромной, но все же отличалась от обстановки тюремной камеры: кровать, стол, два стула, кресло, совмещенный санузел в отдельном помещении, размерами напоминающем шкаф. Вмонтированный в стену терминал корабельной Сети оказался заблокирован, но это меня не удивило. Я бы удивился куда сильнее, если бы он работал.

До каюты меня сопровождали уже не штурмовики, а юный энсин Бигс, которого Реннер назначил мне в денщики. Особого энтузиазма по поводу своего нового назначения юный энсин Бигс не выказал.

– С гардеробом будут небольшие сложности, сэр, – сообщил мне юный энсин, пока я осматривал обстановку каюты. – На нашем корабле нет одежды вашего размера, так что вам придется подождать, пока доставят вещи с «Одиссея».

– Это не самая большая проблема, – сказал я, усаживаясь

в кресло. Тем более что за исключением комбинезона, надеваемого под боевой скафандр, никаких вещей я с собой на борт «Одиссея» не приносил. – Скажите, энсин, а вам вообще разрешено со мной разговаривать?

– Да, сэр, но не на любые темы. Можно задать вопрос, сэр?

– Валяйте.

– А вы действительно тот самый Алекс Стоун, сэр?

– Который именно?

– Тот самый, который целый месяц вел партизанскую войну против клана Прадеша в джунглях Новой Колумбии.

– Вообще-то да. Но нас там был целый отряд.

– И вы смогли продержаться до начала освободительной операции, которую проводил герцог Реннер?

– Да, – сказал я, предпочитая не вдаваться в подробности.

Если бы не «освободительная» операция, которую возглавлял Реннер, тогда еще адмирал Реннер, никто из нашего отряда не сумел бы остаться в живых. Кленнонские корабли, завязавшие орбитальный бой с силами скаари, отвлекли внимание штурмовой группы ящеров, которой удалось прижать нас к стенке.

– Мы это в школе проходили, – радостно сообщил энсин. Прелестно.

– На уроках истории?

– Нет, на уроках тактики.

Я не стал разочаровывать юношу и рассказывать, что никакой тактики на Новой Колумбии у нашего отряда не бы-

ло. Мы драпали от ящеров, а те гнались за нами. Мы хотели выжить, а они хотели нас поубивать. В конце концов наше желание перевесило. Вот и вся история. Аэропортов мы не захватывали, поезда под откос не пускали, «языков» не брали, до вражеского штаба так и не добрались.

– Энсин, сейчас Империя с кем-нибудь воюет?

– Простите, сэр, это как раз одна из тех тем, на которые мне запрещено с вами разговаривать.

Мне очень хотелось спросить, что произошло с Альянсом и сумел ли он пережить период изоляции, но я так и не задал этого вопроса. Ни адмиралу Реннеру, ни энсину Бигсу.

Наверное, потому что опасался услышать ответ.

Корабль Реннера «Таррен Первый», получивший свое название в честь предка нынешнего императора, принадлежал к классу супердредноутов, а это означало, что он был очень большим и мог решать широкий спектр задач. Его начали строить еще до периода изоляции, и ему удалось уцелеть, потому что к тому моменту, когда Визерс спровоцировал гиперпространственный шторм, на корабле еще не был установлен прыжковый двигатель.

Энсин Бигс, сообщивший мне эту информацию, также рассказал, что сейчас такие просторные корабли уже не строят, но отказался сообщить, почему.

Бигс был очень доволен своим назначением на это судно, а присутствие на борту герцога Реннера и вовсе прида-

вало ему крылья. Наверное, это помогло ему довольно быстро смириться с ролью моей няньки, и на второй день нашего знакомства он вел себя гораздо дружелюбнее.

– С «Одиссея» доставили кучу одежды, там есть и ваши размеры, – сообщил он, вваливаясь в мою каюту с грудой шмоток. – Как вы себя чувствуете?

– Бывало хуже.

Бигс принялся развешивать выглаженную одежду в скрытом в стене шкафу.

– Я просто не могу поверить, что вы решились отправиться в путь на релятивистских скоростях, заморозив всю команду в криоустановках, – сказал он. – Наверное, нужно много мужества, чтобы решиться на такое.

– Иногда достаточно того, что у тебя нет выбора, – пожал плечами я. – Энсин, вы ведь родились уже после периода изоляции?

– Конечно, сэр.

– Вам не рассказывали, каково это было?

– В школе, сэр, – ну да, у кленнонцев же нет родителей. – Это были тяжелые времена, и потребовались совместные усилия всех подданных императора, чтобы Империя продолжила существовать.

– Когда вы вновь вернулись в дальний космос?

– Через пятьдесят шесть лет, сэр.

– Так быстро?

– Это официальная дата, сэр. Тогда состоялись испытания

первого корабля с гипердвигателем. Первый рабочий стержень Хеклера был собран за два с половиной года до этого.

– Рабочий? – уточнил я.

– Предыдущие попытки оказывались провальными. Стержни разрушались еще в процессе сборки.

Возможно ли, чтобы шторм в гиперпространстве длился все это время, сорок с лишним лет? Черт его знает.

– А что случилось с Альянсом? – наконец-то решился я. – Или эта тема тоже в запретном списке?

– Нет, сэр. Герцог Реннер предупреждал, что вы об этом спросите. Альянса больше нет. – Видимо, он заметил, как изменилось выражение моего лица, и тут же добавил: – Но человечество все еще существует, сэр.

– Что там было?

– Дальние планеты выживали в одиночку. Кто-то более успешно, кто-то менее...

– А Земля?

– У нас сейчас нет надежного канала связи с Солнечной системой, – сказал энсин. – Судя по всему, последствия изоляции на Земле были самыми тяжелыми. Произошла катастрофа. Голодные бунты, революция... До последнего времени там царила полная анархия.

– Только до последнего времени? Но не сейчас?

– Около двенадцати лет назад военная диктатура, правящая на Марсе, начала наводить порядок в Солнечной системе. Их генштаб заявил, что они намерены распространить

свое влияние на всю бывшую территорию Альянса.

– Амбициозные планы, – протянул я.

– Да, сэр.

– Вы не верите, что у них что-то получится?

– Нет, сэр.

– Почему?

– Я не могу об этом говорить.

– А, опять запретный список, – вздохнул я. – Известно, сколько мы еще тут будем торчать?

– Пока не изымем с «Одиссея» все, что необходимо герцогу Реннеру. Герцог хотел бы забрать с собой весь корабль, но ведь «Одиссей» не способен совершать прыжки.

– Куда мы отправимся потом?

– Этого я тоже не могу вам сказать.

– Сколько еще человек вынули из холодильников «Одиссея»?

– Это мне неизвестно, – сказал Бигс. – Их переправляют на наш борт группами по несколько человек, а сколько их там осталось...

– Среди тех, кого переправили на ваш борт, есть девушка? Невысокого роста, со спортивной фигурой...

– Не знаю, сэр, – сказал Бигс. – В доставленной сегодня партии не было девушек.

– А мужчина с одной рукой?

– Этот был.

– Спросите у кого-нибудь, кто за это ответствен, могу ли

я поговорить с этим одноруким.

– Я узнаю, сэр, – пообещал энсин Бигс.

Полковник Риттер выглядел хреново.

До встречи с ним я думал, что хреново выглядел я, но на фоне Джека мой вид можно было продать за миллион долларов.

К моему великому удивлению, нам разрешили встретиться, и уже через час после моего запроса энсин Бигс проводил меня в каюту полковника.

Кабюта не слишком отличалась от моей, разве что была чуть поменьше, а Риттер встретил меня, не вставая с кровати.

– Я буду ждать за дверью, сэр, – сказал энсин. – Каюта звукоизолирована, если что.

От коридора-то она, может быть, и звукоизолирована, подумал я. Что никоим образом не означает, что внутри самой каюты нет следящих и записывающих устройств.

– Привет, Джек.

– Привет, Алекс.

– Выглядишь ты не очень.

– Я и чувствую себя так же, – голос Риттера звучал глухо. – Тебе известно, что происходит?

– Почти ничего.

– Выходит, ты знаешь не больше, чем я.

– Нас захватили кленнонцы.

– Это я видел.

– Они ведут расследование того, что случилось на Веннту. Тебя еще не допрашивали?

– Нет.

– Значит, еще допросят.

– Сколько лет прошло?

– Сто семьдесят девять.

– Проклятье. – Риттер откинулся на подушку. – Что с Альянсом?

– Развалился. Подробности мне неизвестны. – Про катастрофу на Земле я говорить не стал. Вполне возможно, что у Риттера там остались родственники. – Империя уцелела, но тут тоже без подробностей.

– А скаари?

– Понятия не имею. Похоже, что кленнонцы с кем-то воюют. Вполне может быть, что как раз со скаари.

– Значит, Визерс ошибся, и все было напрасно?

– Я не знаю, – сказал я. – Может быть, я что-то неправильно понял, и никакой войны нет.

– На «Одиссее» много уцелевших?

– Кленнонцы не собираются размораживать всех.

– Понимаю, – кивнул Риттер. – Им нужны ответы. Они хотят знать, почему гипердрайв пошел вразнос и, возможно, что в будущем это не повторится.

– Судя по тому, как они со мной обращаются, им нужно что-то еще.

– Например? – скривился он.

– Даже не подозреваю.

– Я не удивлен, – сказал Риттер. – Всем от тебя что-то нужно.

– Когда-то и ты был в этом списке.

– Да, – признал Риттер. – Но теперь в этом уже нет смысла.

Это больше не наш мир.

– Прошло не так много времени. Я здесь даже знакомого встретил.

– Кого это?

– Адмирала Реннера. Теперь он герцог.

– Хорошие у тебя знакомые, – хмыкнул он. – Реннер всем тут заправляет?

– Похоже на то.

– Как думаешь, что с нами будет, когда они получат нужные им ответы?

– Я об этом даже не задумывался.

– Криоамнезия? – с деланной заботой поинтересовался он.

– Нет.

– А у меня есть, – сказал он. – Провалы в памяти. Причем касается это не только прошлого, но и настоящего. Вчера я был в медицинском отсеке «Одиссея», а сегодня я здесь. И понятия не имею, как я сюда попал.

– Может быть, ты просто был без сознания?

– Я и ходил без сознания? – спросил он. – И скафандр без сознания надевал? Я помню, как я валялся на своей койке и

мечтал умереть. Щелк – и я уже в скафандре, а два бравых молодчика под ручки ведут меня по коридору и приводят сюда.

– Наверное, это пройдет. Со временем. Ты не рассказывал о своих симптомах местным врачам?

– Не думаю, что им есть до этого хоть какое-то дело, – сказал Риттер. – Алекс, ты сдал им Визерса?

– С потрохами.

– И правильно, – кивнул Риттер. – Он хотел, чтобы его судили потомки, теперь у него есть редкая для таких случаев возможность выслушать их вердикт.

Мы еще немного поговорили, и я рассказал Риттеру то небольшое, что знал относительно нашего положения в частности и ситуации в Исследованном Секторе Космоса вообще, но самый странный эпизод произошел уже после того, как Джек пожаловался, что устал и хочет спать, и мы попрощались. Я уже стоял одной ногой в коридоре и юный энсин Бигс вежливо интересовался, как прошла наша беседа, когда Джек меня окликнул:

– Алекс!

– Что, Джек?

– Не дай им отправить меня обратно на «Одиссей».

Я пожал плечами, мол, как тебе угодно, полковник, а он отвернулся к стене, показывая, что теперь наш разговор действительно окончен, и только на полпути в свою каюту я сообразил, что последнюю реплику Джек произнес на давно

забытом старом добром русском языке.

Глава 3

Я много думал о том, что бы это могло означать и зачем Риттер вдруг решил блеснуть передо мной знанием моего родного языка, и мне хотелось бы продолжить этот разговор. Однако, когда я попросил о новой встрече, кленнонские медики заверили меня, что Джек плохо восстанавливается и вдобавок вымотан допросом Реннера, так что было бы неплохо предоставить ему пару дней тишины и покоя.

Я согласился подождать, в глубине души изнывая от нетерпения, но прежде, чем мы встретились снова, у меня состоялась совсем другая беседа. Меня наконец-то пригласил к себе герцог Реннер.

А я уже начал думать, что мои показания ему больше не требуются и он про меня забыл.

На этот раз герцог принял меня в своем кабинете. Это было просторное по корабельным меркам помещение, и доминировал в нем большой рабочий стол. Реннер восседал за ним с таким видом, как будто это был не обычный предмет мебели, а тактический пульт, при помощи которого можно руководить действиями целой эскадры.

За спиной Реннера висел имперский герб – планета, прикрытая щитом.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался адмирал после того, как я устроился в кресле, стоящем с другой сторо-

ны стола.

– И почему меня все об этом спрашивают?

– Капитан Рейф несколько переусердствовал с первой партией размороженных, – сказал Реннер. – Боюсь, он слишком близко к сердцу принял мои слова о том, что нам нужно действовать как можно быстрее. Он ускорил процедуру криореанимации, в результате чего она могла пройти слишком болезненно и причинить пациентам вред.

– Она была болезненной, – подтвердил я. – Но я думал, что так и должно быть.

– Нет, отчасти это и наша ошибка, – признал Реннер, не став валить всю вину на своего подчиненного. Так вот что имел в виду корабельный врач, когда говорил Рейфу о нарушении протокола... – Первая партия состояла из восьми человек, все получили ущерб разной степени тяжести. Двое умерли. Ваш случай пока самый благоприятный.

– Генерал Визерс тоже был в первой партии?

– Увы.

– Его амнезия так и не прошла?

– Нет. Сейчас мы подвергаем его тотальному ментоскопированию, и разбираться с массивом полученных данных нам придется очень и очень долго, – вздохнул Реннер. – Несмотря на то, что в целом картина ясна и без его показаний, мне нужно выяснить некоторые подробности. Вы не знаете, были ли у него союзники среди скаари? Некоторые использованные технологии указывают на то, что здесь была замешана

Гегемония.

– Были, – подтвердил я.

– И вы знаете, кто?

– Клан Кридона.

– О, – сказал Реннер. – Что ж, это многое объясняет. Клан Кридона очень ловко воспользовался сложившейся ситуацией и извлек из нее максимальную выгоду. Это сразу заставило нас заподозрить, что он был к ней готов.

– Что же случилось?

– То, чего мы всегда боялись. Впервые за долгие века у Гегемонии появился доминирующий клан и единый правитель. Гегемония более не является хаотичной структурой, в которой одни не ведают, что творят другие, и скаари больше не грызут друг другу глотки в межклановых разборках. Теперь они выступают единым фронтом.

– Они нападут?

– Они уже напали. Ими уничтожено население шести приграничных миров и двух миров, ранее входивших в состав Альянса. Кроме того, мы находили следы их присутствия и на необитаемых планетах.

Значит, Визерс ошибся, и все жертвы были напрасными. Он не остановил войну, он только вручил преимущество в руки врага.

– Каков прогноз?

– Прогнозы на войне – дело неблагоприятное, – сказал Реннер. – Сейчас мы стараемся сделать все возможное, чтобы не

допустить их полной и безоговорочной победы.

– Но как они умудрились восстановить свои силы так быстро? – спросил я. – Не знаю, как обстоят дела у вас, но человечество, судя по тому, что я слышал, просто лежит в руинах...

– Нельзя сказать, что все человечество, – вздохнул адмирал. – Да и не лежит оно в руинах, а довольно активно в них копошится. Но против единой Гегемонии шансов у них нет.

– А у вас?

– Мы над этим работаем, – сказал Реннер. – В том числе и прямо сейчас. Расскажите мне все, что вы знаете о генерале Визерсе. Планы, союзники, ресурсы. Расскажите мне о том, что вы предприняли на Веннту. Расскажите мне о своих контактах с Визерсом. Во всех подробностях.

– Это будет довольно длинная история, и начать ее придется не с Веннту.

– Я понимаю, – вздохнул кленнонец. – Хотите чего-нибудь выпить?

Я рассказал ему почти все.

Изредка я делал паузы, притворяясь, что припоминаю подробности, а на самом деле прикидывая, как получше умолчать о роли, которую в произошедших событиях сыграл Холден. Если учесть, что на Веннту он был нашим единственным источником информации, получалось у меня плохо, так что я махнул рукой на всю предосторожность и выложил Реннеру правду о Фениксе, скрыв от него только тот факт, что

встречал его не только в этом времени, но и в Белизе двадцать первого века.

– Это очень странно, – заметил Реннер, когда я в своем рассказе добрался до Веннту и тюремной камеры, в которой мы нашли Холдена. – Генерал замыслил массовые убийства, а террорист номер один в галактике пытался его остановить.

– Он утверждал, что хочет продолжения войны, – сказал я. – Если у него и были какие-то другие мотивы, мы об этом уже не узнаем.

– Вы утверждаете, что он мертв?

– Я видел это собственными глазами.

– Он – Феникс, – сказал Реннер. – Многие собственными глазами видели, как он отправляется на тот свет. После чего он всегда возвращался.

– Как можно восстать из праха?

– Настоящему Фениксу это как-то удавалось, – напомнил Реннер.

– То есть вы на самом деле верите во все эти мифические истории о его воскрешении?

– Я верю фактам, – сказал Реннер, делая у себя какую-то пометку. – Значит, все это время телохранитель Асада ад-Дина был с вами?

– Да, начиная с космической станции и до его гибели на Веннту, – сказал я. – А это имеет какое-то значение?

– Имеет. Продолжайте.

Дальнейший рассказ много времени не потребовал. По-

следним, что я помнил на Веннту, был наш неудачный штурм. Когда я пришел в себя на «Одиссее», корабль уже ушел от планеты и двигался к границам звездной системы.

– Рассказ полковника Риттера подтверждает эту версию, – сказал Реннер, когда я закончил. – Да и другим известным нам фактам она не противоречит.

– Мне нет никакого смысла вам лгать, – пожал плечами я. – Генерал Визерс мне не друг, и выгораживать его я не намерен.

– Я понимаю его план, – сказал Реннер.

– Он не сработал.

– Но мог сработать. Сейчас количество боевых кораблей Империи равно десяти процентам того, что было раньше. У Альянса и того меньше. Мы не готовы вести крупномасштабную войну и не будем готовы еще много лет.

– Ну а скаари? Почему они оказались готовы?

– Потому что генерал Визерс их недооценил, – пояснил Реннер. – Это довольно распространенная ошибка, скаари легко недооценить. Когда смотришь на их корабли, которые летают не быстрее наших, когда видишь их бестолковую государственную систему и бесконечную резню кланов, когда видишь их устаревшую технику, когда знаешь, что они так же способны проиграть, как и любой другой, легко забыть, что это самая древняя раса в галактике, и их история началась задолго до нашей.

– И в чем был подвох? – спросил я. – У них оказались

огромные производственные мощности, которые позволили им так быстро восстановить прыжковый флот? Или они открыли новый способ путешествовать по дальнему космосу?

– Они восстанавливают прыжковый флот едва ли быстрее, чем мы. И дело не в том, что они открыли новый способ. Они всего лишь вспомнили старый, – сказал адмирал. – Человечество проскочило эту ступень, сразу же открыв для себя гипердрайв, и мы не знали, что такой способ есть у скаари, потому что они от него отказались. Гипердрайв все же на порядок быстрее.

– Принцип действия известен?

– Нет. Пока нет. Условно мы называем это Х-двигателем, и нам не удалось захватить ни одного корабля, который был бы им оборудован. В новейшей истории у нас еще не было ни одного боевого столкновения со скаари.

– Э... я не совсем понимаю.

– Когда появился гипердрайв, скаари отказались от Х-двигателей, – пояснил Реннер. – Мы полагаем, что перестраивать имеющиеся в наличии корабли оказалось слишком дорого, проще было построить новые, с гипердрайвом. Поэтому они законсервировали свой древний флот и хранили его, как туз в рукаве, а когда Визерс спровоцировал шторм в гиперпространстве, они этим тузом воспользовались.

– Как разведки могли такое прошляпить?

– А как шпионить за другой расой, так отличающейся от нашей? – поинтересовался Реннер. – Гегемония огромна, и

мы контактировали только с теми кланами, что находились ближе к границе. Почти никто не бывал на внутренних планетах скаари даже с дипломатическими миссиями, не говоря уж о разведке и организации агентурной сети. Мы до сих пор понятия не имеем, что там происходит.

– И клан Кридона захватил контроль.

Реннер кивнул:

– Он знал о намерениях Визерса и воспользовался ситуацией. Древний клан, в распоряжении которого было много Х-кораблей. После того как Кридон узнал о грядущем шторме, он постарался взять под контроль все законсервированные флоты и вполне в этом преуспел. Естественно, что пока все оправлялись от последствий шторма, при помощи этих кораблей он сумел захватить власть и навязать всем свою волю.

– Это ваша теория?

– Нет, это факты. После того как мы снова овладели гиперпространством, мы контактировали со скаари и знаем, что произошло. Кридон начал скупать Х-корабли примерно за год до шторма, а то, что он не сумел купить, впоследствии он захватил силой. Мы не знали только, откуда у него информация о шторме, и полагали, что он получил ее от своего Оракула. Но теперь понятно, что у него были куда более достоверные источники.

– Визерс думал, что он использует Кридона, а на самом деле все было наоборот. – Я был несколько удивлен извести-

ем о том, что старый хитрый Сол, обожающий интриги и на моей памяти всегда добивающийся своего, тоже может ошибаться, да еще и так по-крупному.

– Видимо, информация все-таки просочилась к другим скаари, и Торбре отправился на Веннту, чтобы помешать исполнению этого плана, – предположил Реннер. – Но он опоздал, как и все остальные.

– Говоря об остальных, вы имеете в виду нас с Риттером или кого-то еще?

Вместо ответа кленнонец нажал кнопку, и в воздухе над его столом повисла картинка. Взрывающееся Солнце, поглощающее планеты своей родной системы. Красивое зрелище, если не знать, сколько смертей за ним стоит.

– Куда смотреть? – поинтересовался я.

– На звезду.

Планеты на картинке были размером с мой кулак, агонизирующая звезда – как футбольный мяч, и ничего, кроме двух черных точек на фоне плазменных протуберанцев, я рассмотреть не смог.

– Дефект изображения?

– Нет.

Реннер увеличил картинку, планеты исчезли за границами демонстрируемой области, а две черные точки превратились в два черных пятна.

– Это изображение получено с нашего спутника-шпиона в системе Веннту. Оно стало одним из последних перед тем,

как спутник был уничтожен.

– Но я все еще не вижу ничего конкретного.

– Вот наиболее качественный снимок, – экс-адмирал еще раз щелкнул клавишей. – С максимальным без потери качества увеличением и отфильтрованными помехами.

Едва изображение черных пятен сменилось новым, я сразу понял, почему Реннер зашел так издалека и для чего ему понадобилось показывать мне предыдущие картинки. Потому что если бы он начал показ с третьей, я бы ни за что ему не поверил.

Мне и теперь верилось с трудом.

Черные пятна обрели резкость и оцетинились надстройками, большая часть из которых наводила на мысли об оружии. Корпуса кораблей на самом деле были черными и обладали сферической формой... Ближайшей аналогией, которую я мог бы подобрать, была Звезда Смерти из старых серий «Звездных войн».

Две Звезды Смерти.

– Что это за чертовщина? – хрипло спросил я.

– Ожившие легенды, – ответил Реннер. – Мы полагаем, что именно такой корабль несколько тысяч лет назад нанес поражение скаари и лишил Гегемонию военного флота, чем дал шанс только начавшему выходить из каменного века человечеству. Это Разрушители.

Разрушители.

Долгое время они были для всех частью фольклора ска-

ари, страшилкой, детской сказкой для непослушных маленьких ящеров. Будешь себя плохо вести, прилетит большой черный корабль и уничтожит нашу планету.

Первый Разрушитель появился очень давно, и, как это часто случается со слишком старыми историями, она постепенно превратилась в легенду. В миф.

Официальная версия, которой скаари поделились с внешним миром, была довольно проста. Обнаружив, что где-то на задворках галактики, на маленькой планете под названием Земля, начала развиваться разумная жизнь, скаари решили задавить потенциальных конкурентов в зародыше и начали готовиться к зачистке. Но пока они решали, кто и какими средствами эту зачистку будет проводить, неизвестно откуда появился Разрушитель, уничтожил несколько планет и собрался улететь в неизвестном направлении. Пламя жажды мести скаари бросились в погоню, Разрушитель изменил курс и начал отстреливаться, завязался космический бой. В конце концов Разрушитель был уничтожен, но ему удалось прихватить с собой на тот свет большую часть военного флота Гегемонии, изменив баланс сил внутри кланов, поэтому те были вынуждены на некоторое время забыть о человечестве и заняться решением более насущных проблем.

Когда они наконец-то вспомнили о маленькой планете под названием Земля, предоставленное самому себе человечество уже вышло в космос, открыло гипердрайв и заселило несколько планет, что сделало операцию по зачистке куда бо-

лее затратной, и скаари решили выждать и посмотреть, что получится в итоге.

В итоге получились кленнонцы, и расклады изменились настолько, что стало непонятно, кто кого сможет зачистить, если таковая необходимость все-таки возникнет.

Тогда скаари затаились и стали ждать своего шанса. Того самого шанса, который подарил им генерал Визерс.

Правда, на Земле когда-то существовала еще одна теория. Будто бы скаари, занятые своими разборками, просто не заметили существования человечества или заметили, но не придали ему большого значения, а историю с Разрушителями придумали себе в оправдание. Дескать, им сложно было признать, что когда-то они не рассмотрели потенциальной угрозы. Раньше эта теория пользовалась большой популярностью, но снимки с разведывательного спутника кленнонцев и камня на камне от нее не оставили.

– Судя по всему, эти корабли уничтожены, – продолжал Реннер. – Мы не знаем, что послужило причиной, взрыв звезды или гиперпространственный шторм, но никаких следов их присутствия в Исследованном Секторе Космоса после гибели Веннту мы не обнаружили.

– Мне кажется, оно и к лучшему.

– Но мы не знаем, откуда они прилетели и не может ли оттуда прилететь еще кто-нибудь, – сообщил адмирал.

– Вы показывали эти снимки скаари?

– Да. Они подтвердили, что это корабли, похожие на Разрушителей, но от дальнейших переговоров отказались.

– Вы думаете, что на этот раз они явились сюда, чтобы помешать Визерсу?

– Иначе бы их присутствие в локальном пространстве Веннту в момент ее гибели от устройства генерала было бы очень странным совпадением.

– Но ведь это же внешняя угроза, – сказал я. – Разрушители напали на скаари, были в локальном пространстве Веннту. Если они ударят сейчас, когда от бывшего могущества трех рас осталось не так уж много, нам просто нечего будет им противопоставить. Неужели ящеры этого не понимают?

– Может быть, они просто нам не поверили, – предположил Реннер. – Посчитали, что мы сфабриковали эти снимки, чтобы остановить их вторжение. А может быть, они считают, что в случае возникновения опасности они смогут справиться с ней в одиночку. Удалось же им уничтожить первый корабль.

– А если прилетит не один, как в прошлый раз? Если прилетят десять?

Кленнонец пожал плечами:

– Если прилетят десять, то не уцелеет никто. Даже если бы Альянс и Империя сохранили свою военную мощь. Впрочем, это лишь потенциальная угроза, которая может и не возникнуть. А вот угроза со стороны скаари более чем реальна.

– Как далеко все зашло?

– Корабли с X-двигателями сильно проигрывают современным прыжковым кораблям в скорости. X-двигатель позволяет судну двигаться с превышением скорости света, но с гипердрайвом это не сравнить, – сказал Реннер. – На тот путь, что прыжковый корабль преодолевает за неделю, древним кораблям скаари потребуются годы.

– Не так уж плохо, – кивнул я. – Мы на «Одиссее» были готовы к тому, что срок полета будет измеряться веками.

– Прыжковых кораблей у скаари немногим больше, чем у нас, – сказал Реннер. – И этого количества явно недостаточно для того, чтобы вести полномасштабные боевые действия, так что основная угроза исходит от их медленного древнего флота. Проблема в том, что этот флот очень велик. По самым скромным оценкам, он насчитывает не менее четырех тысяч кораблей классом не ниже крейсера.

– Сколько боевых судов может выставить против них Империя?

– На данный момент у нас есть четыре десятка полностью готовых кораблей с укомплектованными экипажами. Еще столько же будут готовы в ближайшие два года. Как вы понимаете, этого недостаточно.

Недостаточно – это еще мягко сказано. Восемьдесят кораблей против четырех тысяч – это капля в море, даже с учетом их превосходства в скорости, которое может быть сведено к нулю прыжковыми кораблями скаари. Похоже, что,

когда Визерс взялся вершить судьбы человечества, он проиграл даже больше, чем он мог себе представить. Он проиграл все.

– Но у нас еще есть время, – сказал Реннер. – Древний флот скаари разделился на две части. Одна из них двигается в сторону территорий бывшего Альянса, вторая идет на нас. Те уничтоженные скаари миры, о которых я говорил, попали в первую волну вторжения. Вторая волна настигнет ближайшие обитаемые планеты через двадцать с небольшим лет. Если скаари сохранят свою нынешнюю скорость, им потребуется еще почти сотня лет, чтобы добраться до Солнечной системы. Кленнона вторая часть их флота достигнет на пару лет раньше. Еще через шестьдесят лет от нас не останется и следа, и скаари снова будут одиноки в этой части галактики.

– Весьма нерадостная перспектива.

– Старый мир был очень хрупок, и он разбился, – сказал Реннер. – Теперь мы пытаемся собрать осколки. И для этого нам очень нужна ваша помощь.

– Моя? – Я просто должен был переспросить, хотя и не слишком удивился новому повороту нашей беседы. Не зря же он потратил на меня столько времени, не зря обстоятельно отвечал на мои вопросы, которые никоим образом не касались его следствия. Кроме того, я уже привык, что всем в этом времени от меня что-то нужно, и готов был услышать любое предложение. Ну, почти любое. – Чем же я могу вам

помочь?

– Времени осталось мало, – сказал Реннер. – В одиночку Империя не выстоит. Нам нужен военный флот, нам нужны все ресурсы, которые мы можем получить, нам нужно объединить все силы. Наши заводы и верфи работают круглосуточно, рабочие смены увеличены, сейчас вся экономика Империи подчинена лишь одной необходимости – необходимости строить корабли. Но наших сил может не хватить для того, чтобы уложиться в срок. На бывшие планеты Альянса надежды мало, они только начали выкарабкиваться из своих собственных проблем. Марсианские верфи не могут производить больше одного корабля в год, Земля лежит в руинах, дальние планеты, с которыми мы ведем переговоры, готовы сотрудничать, но они мало что могут нам предложить. В то же время совсем рядом с Империей находится очень ценный источник ресурсов, звездная система с развитой промышленностью, которая практически не пострадала в период изоляции. Нам очень нужно сотрудничество с этой системой, но ее правитель не готов пойти нам навстречу и не желает действовать вместе с нами.

– С его стороны это выглядит как суицидальный порыв, – сказал я, начиная понимать, о какой именно звездной системе идет речь. – Но это очень не похоже на того человека, который был правителем в старые времена.

– Асад ад-Дин умер, – сообщил Реннер. – Примите мои соболезнования.

– Э... да, – сказал я. – Спасибо.

– В «старые» времена именно он был инициатором курса на сближение между нашими государствами, – продолжал адмирал. – Его сын, ставший калифом после его смерти, решил отказаться от этого курса. Он считает, что Левант достаточно хорошо защищен и не нуждается ни в чьей поддержке.

– Очень глупо, – сказал я. – Но я все еще не понимаю, чем я могу помочь.

– Я знаю, что у вас с Асадом существовали некоторые разногласия, но после событий на Веннту вы считались мертвым, и он не стал вычеркивать вас из списка наследования и отречься от названного отцовства, – сказал Реннер. – В период изоляции не существовало ни единого шанса, что вы можете появиться на планете и заявить свои права, так что Керим ад-Дин тоже не стал озадачиваться этим вопросом.

– То есть...

– То есть вы все еще считаетесь названным сыном калифа, Амаль ад-Дин, – улыбнулся Реннер. – И формально именно вы являетесь законным наследником умершего правителя Левантийского Калифата.

Глава 4

Несмотря на то, что за время нашей беседы Реннер поведал мне много удивительного, последняя новость меня попросту ошеломила.

Я познакомился с Асадом ад-Дином во время партизанской войны в джунглях Новой Колумбии. Он был сложным человеком и очень любил осложнять жизнь другим.

Внесение моего имени в список наследования было чистой воды фикцией, при помощи которой Асад намеревался извлечь выгоды из текущей политической ситуации, и мы оба знали, что трон Леванта мне не светит ни при каком раскладе. Собственно говоря, если бы все шло по плану Асада, то я должен был погибнуть вскоре после того, как мое имя оказалось в этом списке, и тот факт, что я таки умудрился выжить, вызвал «небольшие разногласия», о которых упоминал Реннер. Суть разногласий заключалась в том, что Асад хотел видеть меня мертвым и прилагал к исполнению этого желания вполне конкретные усилия, а я в свою очередь делал все, что мог, желая остаться в живых.

Понятное дело, что, когда наступил период изоляции, Асад посчитал меня мертвым. Я на его месте тоже бы так посчитал.

Но похоже, что теперь из-за этой небольшой оплошности я на самом деле могу претендовать на место правителя звезд-

ной системы, состоящей из трех планет. Прошло много лет, и никто на Леванте этого не ожидает. Скорее всего, нынешний калиф сочтет мои претензии смехотворными и просто укажет на дверь. Опять же, я бы на его месте тоже бы так поступил, и это был бы самый вероятный исход моего визита на Левант, если бы не одно «но».

Если я теперь приду на Левант, я приду не один. За моей спиной будет поддержка вновь набирающей мощь Кленнон-ской Империи, силы, с которой нельзя не считаться. Если уж они нашли меня здесь, после стольких лет, не стоит сомневаться, что такую поддержку они мне окажут, причем едва ли ребята будут просто стоять за спиной. Скорее, они будут подталкивать меня в спину.

– Чего конкретно вы хотите? – спросил я. – Чтобы я отправился на Левант и вручил его вам?

– Только как союзника. Поверьте мне, это обоюдовыгодный союз.

– Я-то верю, – сказал я. – Насколько я понимаю, проблема в том, чтобы в это поверило население Леванта.

– Население пойдет за калифом.

– Вы в этом уверены?

– Да. Мы проводили социологические исследования. Сорок три процента подданных Калифата уже сейчас считают, что союз с Империей им жизненно необходим.

– Тем не менее калифа вы в этом убедить не смогли.

– Керим верит в неприступность их орбитальных укреплений.

лений и считает, что они способны выдержать любой натиск. У меня порой складывается такое впечатление, будто он живет в какой-то иной реальности.

– Докажите ему, что он ошибается, – предложил я. – Или... он не так уж и ошибается?

– Левант очень хорошо укреплен, – сказал Реннер. – Но неприступных планет нет. Я мог бы взломать его оборону даже сейчас, когда у Империи мало кораблей. Но штурм не обойдется без потерь, а в ситуации, когда каждое боевое судно на счету, мы не можем позволить себе эти потери.

– Что ж, по крайней мере, это честно.

– Кроме того, нам не нужен сам Левант. Нам нужны его ресурсы, его производство, отлаженное и функционирующее. Если мы возьмем Калифат силой, вряд ли его население будет радо нас видеть. Нам придется завозить своих специалистов, ставить охрану... Нет, дружба между нашими государствами куда более выгодна.

– И какой план?

– Как только мы закончим наши дела здесь, мы отправимся на Левант, – сказал Реннер. – Там вы заявите свои права на трон, а имперский супердредноут послужит достаточным основанием, чтобы левантийцы отнеслись к вашим требованиям всерьез.

– Хороший план, – одобрил я.

– Я расскажу вам подробности, пока мы будем лететь. Если вы согласитесь, конечно.

– А у меня есть выбор?

– Я надеюсь, что нет, – развел руками кленнонец. – Речь идет не о моих интересах, не о ваших интересах и даже не об интересах Империи. На кону стоит нечто большее, как бы пафосно и высокопарно это ни прозвучало.

Прозвучало это довольно пафосно и высокопарно, но если ситуация именно такова, какой ее описывал Реннер, то он прав.

– Раз уж мы союзники, то почему бы вам не разблокировать терминал корабельной Сети в моей каюте? – поинтересовался я.

– Вы читаете по-кленнонски?

– Со словарем, – фыркнул я. – Неужели у вас нет программы-переводчика?

– Может быть, и есть, – сказал Реннер. – Это новый корабль, и мне точно не известно, что загружено в его базу данных. В любом случае, я отдам приказ, и, когда вы вернетесь в свою каюту, терминал уже будет разблокирован и готов к работе.

– Чудесно, – сказал я. – Но, пока я не вернулся в свою каюту, мне хотелось бы прояснить еще пару вопросов.

Реннер кивнул:

– Спрашивайте.

Мне показалось, или он на самом деле немного напрягся?

– Известно что-нибудь насчет девушки, о которой вы спрашивали? Капитан Штирнер, я просил, чтобы ваши люди

достали ее из холодильника...

– Она еще на «Одиссее», – сказал Реннер. – Ее доставят на «Таррен», как только это будет возможно по медицинским показаниям.

– Но с ней все нормально?

– Насколько мне известно, да.

– Это хорошо, – у меня немного отлегло от сердца. – Как вы поступите с генералом Визерсом?

– Это решать не мне, а императору, – сказал Реннер.

– А что насчет остальных? И как вы намерены поступить с «Одиссеем»?

– Мы не можем тащить его за собой. Полагаю, мы оставим его здесь.

– С экипажем в состоянии криостазиса?

– Они смогут продолжить свой путь, куда бы они ни направлялись, – хмыкнул кленнонец.

– А как быть с теми, кто уже разморожен? Вы отправите их обратно?

– Скорее всего. Естественно, девушки, о которой мы говорили, это решение не коснется. Или вы хотите попросить за кого-то еще?

– Вообще-то да, – сказал я. – Хочу. Меня беспокоит судьба полковника Риттера. Я хотел бы, чтобы он отправился на Левант вместе с нами.

– Зачем вам это?

Чертовски хороший вопрос.

Отчасти потому, что полковник Риттер попросил меня не дать кленнонцам отправить его обратно на «Одиссей», причем сделал это по-русски. А отчасти потому, что в этом мире осталось не так уж много людей, которых я знаю. Вторую причину я и озвучил Реннеру.

– Не вижу в этом проблемы, – кивнул он. – Но, по сути, этот человек бесполезен. Организации, в которой он работал, больше не существует, его оперативная информация устарела почти на два века, а его физическое состояние оставляет желать лучшего.

– Значит, я вполне могу назначить его своим великим визирем, – заявил я. – Вид у него достаточно зловещий, а это главное требование для кандидата на сию должность.

Реннер скупно улыбнулся, давая понять, что оценил мою шутку, а потом посмотрел на часы:

– Должен сказать, я проголодался. Не отобедаете со мной?
– Сочту за честь, – кивнул я.

Надо же мне начинать учиться дипломатическим манерам.

Обеденный стол накрыли в каюте Реннера. Теперь, когда мое зрение почти полностью восстановилось, я мог рассмотреть ее получше, хотя, честно говоря, особо рассматривать там было нечего. Кленнонцы вообще предпочитают вести аскетический образ жизни, и отставной адмирал отнюдь не являлся исключением. Даже дарованный титул не смог на это повлиять.

Обстановка была простой и функциональной. Ни ковров на полу, ни коллекции оружия на стенах, нет даже портрета любимого императора. Единственным украшением каюты был несколько видоизмененный кленнонский герб: все та же планета, наполовину прикрытая щитом, только добавлено изображение космического корабля, висящего над северным полюсом. Эмблема военно-космического флота Империи.

Едва мы уселись за стол, как Реннер отпустил прислугу.

– Думаю, мы сможем сами себя обслужить, – сказал он.

– Не сомневаюсь. – Поерзав на слишком низком для меня стуле, я нашел более-менее удобную позу и обратил взор на слишком низкий для меня стол.

Предложенный выбор яств отнюдь не поражал воображение. Похоже, герцог предпочитает питаться тем же, чем и все остальные.

– Мясо синтезировано, – сказал Реннер. – Но овощи свежие. Корабль достаточно велик, чтобы мы могли позволить себе секцию гидропоники.

Но недостаточно велик, чтобы разбить на нем пастбища и завести стада тучных коров. Какая жалость, черт побери. Я уже очень давно не пробовал настоящего бифштекса. Примерно сто восемьдесят лет.

Я положил в тарелку порцию салата и взял хрустящую булочку. По крайней мере Реннер не попытался накормить меня сухим пайком.

– Разве секция гидропоники не является роскошью, из-

лишней для боевого корабля? – поинтересовался я.

– Нет.

– Правильное питание – залог успеха в бою?

– С некоторых пор я не летаю на кораблях, на которых нет секций гидропоники, – сообщил Реннер. – Так что теперь я предпочитаю очень большие корабли.

– Какой-то личный пунктик?

– Можно и так сказать. – Реннер отправил в рот порцию тушеной синтезированной говядины. – Хотите услышать, что случилось со мной после гиперпространственного шторма?

Я кивнул.

Мне было очень интересно узнать, как он выжил, ведь, насколько мне известно, во время гипершторма адмирал должен был находиться в космосе, и, по всем расчетам, ему положено было умереть, но задавать этот вопрос самому мне было неудобно. Хотя я и не был причастен к созданию прототипа Визерса и даже пытался ему помешать, я все равно испытывал некоторое чувство вины по отношению к тем людям, которым довелось пережить период изоляции и порожденные им трудности. Наверное, потому что сам я все это время провел в относительном комфорте и полном неведении.

– Эскадра, которой я командовал, находилась на границе звездной системы Веннту, – начал свой рассказ Реннер. – Мы охотились на одиночные корабли скаари, которые уходили

от планеты. Когда шторм уничтожил стержни Хеклера, наши гипердвигатели взорвались. На малых кораблях это провоцирует взрыв ходового реактора, а взрыв ходового реактора означает...

– Что кораблю конец, – закончил я.

– На моем флагмане гипердвигатель и ходовой реактор находились достаточно далеко друг от друга, так что мы смогли избежать второго взрыва. Нам достаточно быстро удалось изолировать поврежденную часть корабля, – продолжал Реннер. – Примерно половину. Кроме флагмана уцелел еще один корабль, десантный транспорт, который мне навязал генштаб и который мне всюду приходилось таскать за собой, независимо от того, какие задачи я выполнял. Временами это сильно ограничивало мобильность моей группы...

Реннер помолчал. Я не стал торопить адмирала, вряд ли эти его воспоминания относились к разряду самых приятных.

– Нам удалось установить связь между нашими кораблями, но дальняя связь не работала, – продолжал Реннер. – Обе причальные палубы флагмана были уничтожены, так что сообщения между судами не было. Мы не знали, что произошло, но понимали, что вряд ли помощь придет очень скоро. Также существовала вероятность, что мы проведем на этом корабле весь остаток нашей жизни. Для многих именно так и произошло.

– Мне жаль, – сказал я.

– Да, мне тоже. У нас была энергия, но не было никаких шансов восстановить корабль, и мы принялись обустривать его для жизни. Законсервировали ненужные помещения, чтобы экономить кислород, пытались восстановить систему дальней связи, пытались достать из поврежденной части корабля дополнительные рециркуляторы и гравикомпенсаторы. В каком-то смысле нам повезло: на борту нас осталось не очень много, и поначалу у нас не было проблем с едой. Второму кораблю повезло куда меньше. Часть экипажа погибла при взрыве, однако десантный корпус уцелел почти в полном составе.

Десантный транспорт несет на борту на порядок больше народу, чем обычный боевой корабль. Помимо экипажа и боевых расчетов, на судне присутствует толпа вооруженных людей, которым во время полета совершенно нечем заняться. Из-за своей близости к смерти и большой ротации кадров десант менее дисциплинирован, чем профессиональные космонавты, и гораздо хуже обучен. Полагаю, что имперским штурмовикам было куда тяжелее смириться с открывающимися перед ними перспективами, нежели экипажу флагмана.

– Поскольку людей на транспортнике было гораздо больше, а обученного управляться с кораблем персонала гораздо меньше, они первыми столкнулись с теми проблемами, которые в будущем ожидали и наше судно, – сказал Реннер. – Но сначала там возникли трудности с организацией. На транспорте не оказалось ни одного офицера с... моей репутацией,

капитан погиб, а авторитет остальных членов экипажа оказался под вопросом. Наметилось противостояние между командой корабля и десантом, я пытался исправить положение, но это оказалось невозможно. К концу первого года это противостояние вылилось в открытый конфликт с применением оружия. Десант победил, но главное, в ходе конфликта были повреждены резервные рециркуляторы и энергетическая система. Оставшееся корабельное оборудование начало выходить из строя, а людей, умеющих его ремонтировать, на борту не осталось. На второй год начали происходить поломки работающих на повышенных мощностях синтезаторов пищи. Сначала они сократили порции еды. Потом они сократили количество едоков. На третий год вышел из строя последний синтезатор, и они принялись есть друг друга. Правда, перед этим они попробовали взять на абордаж наш корабль, но десантные катера плохо приспособлены к маневрированию в открытом пространстве, а мой флагман сохранил часть бортовых орудий, так что эта попытка была обречена на провал. Мы расстреляли их еще до того, как они преодолели половину дистанции.

Я уже пожалел, что согласился поддержать этот разговор. Тема была не из тех, что принято обсуждать за обедом. Я вообще не уверен, что, будь я на месте Реннера, захотел бы это обсуждать.

Адмиралу пришлось очень нелегко. Он наблюдал, как люди, чьи жизни были отданы под его ответственность, стре-

нительно скатывались в дикость и варварство, он видел, как они убивают друг друга, и в конце концов именно ему пришлось обречь их на смерть.

– Мы не могли им помочь, – сказал Реннер. – Их было слишком много, и то, что осталось от нашего корабля, не смогло бы их прокормить. Когда вышел из строя их последний рециркулятор, я приказал расстрелять корабль. Мы израсходовали на это массу энергии, но возражавших против моего приказа на борту не нашлось.

Наверное, это было правильно. Лучше уж умереть в мгновенной вспышке, чем долго и мучительно хватать ртом затхлый корабельный воздух, содержание кислорода в котором сокращается с каждым вдохом. Но несмотря на то, что это было правильно, я был уверен – такие решения даются нелегко. А Реннер все говорил:

– На флагмане не возникло проблем с рециркуляторами. У нас были запасные установки, были запчасти, были люди, способные провести ремонт. Первый синтезатор пищи вышел из строя через пять лет, но к тому моменту мы сумели восстановить и расширить гидропонную секцию и часть еды могли выращивать самостоятельно. Благо, запас семян входит в стандартный аварийный комплект любого крупного корабля. К этому времени мы уже не верили, что Империя придет к нам на помощь, и смирились с тем, что флагман станет нашим последним пристанищем.

Юный энсин Бигс сказал, что первый гипердвигатель но-

вого поколения был создан через пятьдесят шесть лет после шторма. Сколько же времени экипаж Реннера провел в заточении на дрейфующем в открытом космосе судне?

– Шестьдесят четыре года, – сказал Реннер, отвечая на мой невысказанный вопрос. – Империя пришла через шестьдесят четыре года. К тому времени от двух с половиной сотен, которые пережили шторм, осталось четыре десятка человек. Были несчастные случаи, дуэли, кто-то покончил с собой, кто-то попросту сошел с ума. Я старался нагружать людей работой, чтобы у них оставалось меньше времени на праздные мысли, но... срок слишком велик. Трудно заставить кого-то увидеть смысл в его действиях, если сам его там не видишь.

– Но Империя все-таки пришла за вами.

– После стольких лет в это сложно было поверить, – сказал Реннер. – Мы ведь даже не были уверены, что Империя все еще существует. Нам так и не удалось починить систему дальней связи, и не было гарантии, что аварийный маяк все эти годы посылал сигналы о помощи. Но он посылал.

Я подумал о множестве боевых кораблей Альянса, которые тоже могли уцелеть во время шторма и за которыми так никто и не пришел. Потому что приходиться было некому.

– Мы были спасены в рамках рекламной кампании «Империя своих не бросает», – сообщил Реннер. – Вокруг нашего возвращения подняли большую шумиху, и я совершенно неожиданно оказался в фаворе у императора. Заодно вспом-

нили про мои былые заслуги. Поскольку я уже был слишком стар для официального продолжения военной карьеры, Таррен даровал мне титул и зачислил в дипломатический корпус, назначив своим особым представителем.

Судя по выражению его лица, новоиспеченный герцог принял новое назначение без особого энтузиазма. Возможно, свою роль сыграло и то, что он попал в фавор к императору не за военные заслуги, а за те испытания, которые ему пришлось пережить на закате своей военной карьеры.

– Много еще людей уцелело? – спросил я. – Из тех, кто тогда был в космосе?

– До прибытия спасательных команд продержались экипажи лишь трех кораблей, – сказал Реннер. – Включая мой.

Я вспомнил о Гастингсе, который отказался ложиться в криокамеру и предпочел состариться и умереть на борту «Одиссея», вспомнил, что в шутку, – по крайней мере, наполовину в шутку, – предлагал такой вариант и для нас с Кирой. Целый корабль для нас двоих. Трех, если считать и Гастингса.

Наверное, правильно, что мы не стали этого делать. Реннеру и его экипажу пришлось пройти через ад. Немногим удалось продержаться шесть десятков лет до прихода помощи. Полагаю, мы бы сошли с ума гораздо раньше, тем более что в нашем случае помощи ждать было неоткуда, а надежда дожить до конца полета отсутствовала бы изначально.

– А как вы нашли «Одиссей»? – задал я вопрос, который

тревожил меня с самого начала. – Мы ведь не должны были включать никакие аварийные маячки, и вообще о нашем присутствии в этой части пространства никто не должен был знать.

– Да, это было посложнее, чем разыскать остатки нашего собственного флота, – согласился Реннер. – Но не так уж сложно, если задаться конкретной целью. Вы забываете, что Веннту была планетой кленнонцев, пусть и не находилась под властью императорского дома.

– Нельзя ли с этого места поподробнее? – поинтересовался я, увидев, что легендарный адмирал не стремится развивать эту тему.

– Сначала мы и не думали, что катастрофа на Веннту как-то связана с гиперпространственным штормом, – не стал артачиться кленнонец. – Но позже, когда в наши руки попала часть архивов СБА, мы сложили их с некоторыми уже имевшимися в нашем распоряжении данными и пришли к выводу, что и к тому и к другому приложил руку генерал Визерс. Наша разведка была хорошо знакома с послужным списком генерала и давно составила его психологический портрет.

– Аплодирую вашей разведке, – сказал я. – Сколько бы я ни пытался разгадать генерала Визерса, ему раз за разом удавалось преподнести мне сюрприз.

– Нам было известно, что к тому моменту, как генерал закончил службу в СБА, в его распоряжении оказался крейсер, – продолжал Реннер. – Мы знали, что генерал готов

пожертвовать собой, но обязательно постарается этого избежать, если ему предоставится такая возможность. Тогда мы снова проверили все снимки, полученные нашими разведывательными спутниками в системе Веннту, и обнаружили, что незадолго до катастрофы планету покинул корабль, явно не принадлежащий ни флоту скаари, ни собственно-му флоту планеты. Боевое судно, собранное на верфях Альянса. Мы предположили, что этот корабль принадлежал генералу Визерсу, и, поскольку генерал знал о надвигающемся шторме, он наверняка предпринял определенные шаги, чтобы избежать его последствий. Остальное было несложно. Единственным обитаемым миром, находящимся в обозримом пространстве, был Борхес, и мы поняли, что корабль, если он уцелел, надо искать где-то на этом курсе.

– И вы начали прочесывать космос?

Реннер кивнул:

– Вооружившись сканерами энергетической активности. Четирем отряженным для этого задания кораблям понадобилось чуть меньше двух лет, чтобы завершить поиски.

– Все равно вам пришлось затратить много усилий.

– Император очень хотел знать правду, – сказал Реннер. – И, учитывая далеко идущие последствия катастрофы, я его в этом всецело поддерживал.

– Но откуда вы знали, что найдете на этом корабле не только Визерса, но и меня?

– Наверняка мы этого и не знали. Однако полностью та-

кой возможности не исключали. Нам было известно о ваших контактах с генералом, и вас видели на Веннту еще до начала вторжения скаари. Тот факт, что вам удалось покинуть планету во время первого их штурма, нам был неизвестен. Мы предполагали, что, учитывая характер ваших отношений с генералом, вы вполне можете оказаться на борту его корабля.

– Вы не знали, что я улетел, вы не знали, что я вернулся, и в итоге нашли меня именно там, где рассчитывали найти. Бинго!

– Но мы до сих пор не понимаем, почему генерал так с вами носился и для чего он сохранил вам жизнь, – сказал Реннер.

– Боюсь, что это загадка и для меня.

Кленнонец одарил меня внимательным взглядом.

– Как бы там ни было, для чего бы он ни хотел вас использовать, сейчас это уже неважно.

Я согласился. Так было безопаснее.

Глава 5

Реннер сдержал свое слово. Когда я вернулся в свою каюту, то обнаружил юного энсина Бигса, возившегося с терминалом корабельной Сети.

– Общий доступ, – сказал он. – Я установил программу-переводчик, так что вам надо будет просто выделить текст и нажать кнопку. Но с устройством ввода, боюсь, проблемы, на нашем корабле есть клавиатуры только с кленнонской раскладкой.

– Ничего страшного, – сказал я. – Я знаю ваш алфавит, а скорость ввода не имеет большого значения. Я тут не «Войну и мир» по памяти восстанавливать собираюсь.

– Вы знаете наш алфавит, сэр?

– Вас это удивляет?

– В школе нас учили, что в старые времена люди считали кленнонцев существами второго сорта, сэр.

– Я из очень старых времен, энсин. У меня нет этих пред-рассудков.

– Как скажете, сэр.

– А вы сами не считаете людей существами второго сорта? – поинтересовался я.

– Нет, сэр.

– Даже несмотря на ваше физическое превосходство?

– Нас учили, что это не главное, – сказал Бигс. – Главное

– то, что внутри.

– И что же внутри?

– Мы равны, сэр. Мы принадлежим к одному и тому же виду.

– Это не мешало нам воевать друг с другом.

– На Земле люди воевали друг с другом и в докосмические времена, сэр. Это ничего не значит.

– Кроме того, что все мы чертовски агрессивны.

– Тем не менее на Земле людям удалось не истребить друг друга окончательно, сэр, – сказал Бигс. – Возможно, и мы могли бы научиться жить в мире.

– Или по крайней мере мы могли бы объединиться перед лицом общей угрозы, – добавил я.

– От Альянса мало что осталось, сэр.

– Да, я знаю.

– В день, когда наш корабль был спущен со стапелей, император произнес речь. Он сказал, что наш долг заключается в том, чтобы не только сохранить Империю, но и постараться защитить остатки человечества по всей галактике. Запись хранится в корабельном архиве, и я могу ее вам перевести.

– Не стоит, – сказал я. – Я слышал много таких речей.

– Но я действительно в это верю, – сказал Бигс. – У нас общее происхождение, у нас общая родина...

– Сколько вам лет, энсин?

– Двадцать четыре.

Да не такой уж он и юный, но все еще верит в идеальное

мироустройство. К его возрасту я уже распрощался с большей частью подобных иллюзий. Формула «человек человеку – друг, товарищ и брат» на практике никогда не срабатывала. Ибо правы были древние римляне: «Хомо хомини люпус эст», что значит – «Человек человеку волк». И он не может не «эст».

– Поговорим об этом, если нам удастся пережить наше-ствие скаари, – предложил я. – Возможно, этот опыт научит наши народы чему-то новому.

– Вы так говорите, словно сами в это не верите.

– Я стар, устал, и меня только что достали из холодильника, – напомнил я. – Тебе вовсе необязательно слушать всю чушь, которую я несу.

– Да, сэр, – согласился он. – Вам нужно от меня что-нибудь еще, сэр?

– Нет, энсин. Вы можете идти.

– До завтра, сэр.

– До завтра.

Когда дверь за энсином закрылась, я сел в кресло перед терминалом и пробежался пальцами по клавишам. Компьютер работал, но у меня не было никакого желания рыскать по общей Сети корабля. Реннер и так вывалил на меня кучу фактов, которые предстояло осмыслить, но и о них мне думать не хотелось.

Обед и беседа с Реннером меня вымотали, но главную мысль я усвоил.

Дивный новый мир оказался лишь чуточку видоизмененным старым.

Риттер, которого я навестил следующим утром, действительно выглядел хуже, чем во время нашей прошлой встречи. Он лежал в кровати, был бледен, и его снова подключили к передвижному медицинскому агрегату кленнонцев. Меня предупредили, что наша встреча не должна длиться слишком долго.

– Привет, – произнес я.

– Привет. Какие новости?

– Я договорился, чтобы тебя не отправляли обратно на «Одиссей», – сказал я по-русски.

– Ты сейчас с кем разговаривал? – поинтересовался Риттер.

– С тобой.

– А на каком языке?

– На русском. Ты меня не понял?

– С чего бы мне тебя понимать? Я не владею мертвыми языками.

– Странно, – сказал я. – Потому что под занавес нашей прошлой встречи именно на этом языке ко мне и обратился.

– Ты шутишь?

– Нет.

– И что я сказал?

– Попросил, чтобы тебя не отправляли обратно на «Одис-

сей». Я договорился с Реннером, тебя не отправят.

– Я не помню, – сказал Риттер. – У меня криоамнезия.

– Криоамнезия обычно захватывает период времени до стазиса, а не после.

– Значит, мой мозг некорректно разморозили. Довольно поганое ощущение, знаешь ли. Но моего знания твоего древнего языка этот факт не объясняет.

– Это верно.

– А ты уверен, что проблемы на моей стороне? – поинтересовался Джек. – Может быть, тебе показалось?

– Уверен, – сказал я. – Моя память никогда меня не подводила.

– Это я знаю, – вздохнул Риттер.

– Однажды девушка шла по улице, и ей на голову свалился цветочный горшок. К удивлению врачей, когда девушка пришла в сознание, она заговорила на французском языке, который никогда раньше не изучала.

– И что это было? – спросил Риттер.

– Это была байка из моего времени, – сказал я. – За достоверность я, впрочем, не поручусь.

– Теперь ты должен добавить, что человеческий мозг – это загадка.

– Человеческий мозг – это загадка, – сказал я.

– Спасибо. Мне немного полегчало.

– Обращайся еще, ежели что.

– Как тебе удалось добиться того, что меня решено оста-

вить здесь?

– Очень просто. Кленнонцам нужна от меня услуга, и они готовы идти мне навстречу. В разумных пределах.

– Что за услуга?

– Это касается Леванта и запутанного случая наследования.

– Неужели Асад не вычеркнул тебя из списков?

– Несмотря на то, что твой мозг разморозили некорректно, ты все еще способен быстро соображать.

– Калифату сильно досталось?

– Реннер говорит, что не очень.

– Хуже всего пришлось Альянсу, да?

– Да.

– Очень большой, очень нежизнеспособный, – сказал Риттер. – Все-таки четкая вертикаль власти дает некоторые преимущества в кризисных ситуациях.

– Видимо, это работает только для людей, – сказал я. – Гегемония как раз обрела такую структуру только после катастрофы.

– Скаари объединились?

– Да. Клан Кридона теперь там всем заправляет.

– Нам конец, – вздохнул Риттер. – Как только они построят новый флот...

– Они уже расконсервировали старый, – сказал я.

– Тогда тем более. Единая Гегемония всегда была для нас самым страшным кошмаром, а если во главе ее встал Кри-

дон...

– Приход к власти Кридона является отдельным поводом для тревоги?

– Да. Кридон – консерватор, один из самых радикальных. Он считает, что никто, кроме скаари, не имеет права на жизнь, и всегда продвигал идеи священной войны против человечества.

– Разве они там не все такие?

– Умеренные консерваторы считают, что человечеству в галактике не место, но они готовы предоставить решать все нам самим и подождать, пока мы не истребим друг друга или не вымрем по какой-либо другой причине.

– Есть там хоть кто-то, кто в принципе допускает, что мы имеем право на жизнь?

– Сию крамольную идею поддерживают только самые молодые и слабые кланы, – поведал Джек.

– Это лучше, чем ничего.

– Это и есть ничего. Особенно в ситуации, когда власть принадлежит Кридону.

– Реннер считает, что у Империи есть шансы отбиться.

– Я слишком мало знаю о раскладах, чтобы прикидывать шансы.

– Когда тебе станет получше, я введу тебя в курс дела.

– Жду с нетерпением, – ухмыльнулся Риттер. – А сейчас расскажи мне только одно. «Одиссей» шел на максимальных скоростях, каким же образом кленнонцы оказались на его

борту?

– О, это как раз просто, – вернул улыбку я. – «Одиссей» шел на автопилоте, а кленнонцы раздобыли боевые коды ВКС Альянса, которые бортовой компьютер не мог не принять.

– Неужели Визерс не перепрограммировал бортовой компьютер?

– Видимо, у него было много других дел, и этому он не придал большого значения, – сказал я. – Да и ситуацию, в которой кто-то целенаправленно станет нас искать, тогда было сложно представить.

– Скорее, он сделал это намеренно, – фыркнул Джек. – Оставил нам лишний шанс на спасение. Он же не мог знать, что коды попадут в руки имперцев, а для Альянса он наверняка заготовил какую-нибудь историю.

– Насколько я понял Реннера, в руки имперцев попали не только коды.

– Что еще?

– Часть ваших архивов.

– Плевать. Даже неплохо, если кленнонцы сумеют извлечь из них какую-то пользу.

– А как же корпоративная солидарность?

– Сто восемьдесят лет прошло, – напомнил Риттер. – Боюсь, что теперь карьера мне уже не светит.

– Разве что дипломатическая, – сказал я. – Не против, если я сделаю тебя своим советником на Леванте?

– Валяй, – кивнул Джек. – При случае я тебе с удовольствием что-нибудь посоветую.

Левант пережил последствия гиперпространственного шторма без особых проблем. Государство из трех планет было абсолютно самодостаточным и могло обеспечить себя всем необходимым. Конечно, они лишились доходов, которые приносила им продажа ресурсов Империи и Альянсу, но потрясений в обществе это не вызвало. Асад ад-Дин, правивший Калифатом первые двадцать лет периода изоляции, сумел убедить свой народ, что ничего страшного не происходит и государство готово выдержать любые испытания.

По официальной версии, мой названный папаша погиб от несчастного случая. Неполомки в его лимузине привели к столкновению с другим флаером из кортежа, после чего обе машины рухнули на землю с высоты двух километров. У пассажиров еще оставались бы какие-то шансы выжить, но последовавший за падением взрыв поставил в этой истории точку.

Керим быстро провел расследование, назначил виновным личного пилота калифа и уволил ответственного за содержание парка машин.

Подобная оперативность наследника наводила меня на определенные подозрения. Да и вообще Асад не был похож на человека, подверженного несчастным случаям. Обычно он контролировал любую ситуацию и держал рядом с собой

только надежных людей, не способных допустить халатность вроде неисправного флаера.

Впрочем, убийство всегда было неотъемлемой частью политической жизни Леванта. Когда мы только познакомились с Асадом, один из его братьев вывел из строя космический корабль будущего калифа, чтобы тот не смог вовремя улететь с подвергшейся нападению скаари планеты, а позже Асад неоднократно пытался прикончить меня, также преследуя политические выгоды.

Большой скорби я не испытывал. Трудно сожалеть о смерти человека, который тебя предал и неоднократно наводил на тебя убийц. На Новой Колумбии мы были союзниками, позже мы могли бы стать друзьями, но он рассудил иначе, и теперь в том факте, что его прикончил собственный сын, я находил некую поэтическую справедливость.

За проведенное на Леванте время я видел Керима всего несколько раз. Высокий, сутулый, неразговорчивый тип, он обладал репутацией затворника и редко появлялся на людях. Похоже, что его политика стала продолжением его личной жизни. Только теперь он собирался держать закрытым целое государство.

Империи нужна была развитая промышленность Калифата, они были готовы платить за товары, и им было все равно, кто стоит у руля. Они сотрудничали с Асадом, теперь они были готовы сотрудничать с его сыном, но Керим очень холодно отнесся к появлению чужаков в его звездной системе.

– Мы предлагали военный союз против скаари, – сказал Реннер. – Мы предлагали медицинское оборудование, которое производят только в Империи, мы предлагали поставки оружия. Черт побери, в итоге мы даже предложили построить им несколько прыжковых кораблей, но Керим отверг все наши предложения. Дело не в том, что нам нечего им дать, дело в том, что Керим в принципе не желает договариваться.

– И вы не попробовали организовать ему какой-нибудь несчастный случай? – спросил я.

– Несмотря на то, что у идеи союза есть свои сторонники, мы просто не знаем, к кому обратиться, – ответил Реннер. – При дворе Леванта трудно кому-то доверять. Такое впечатление, что там каждый ведет двойную игру.

– Добро пожаловать, – ухмыльнулся я.

– Ваше появление в качестве наследника выведет дискуссию о союзе между нашими государствами на новый уровень, – продолжал Реннер. – Думаю, это сможет сдвинуть дело с мертвой точки.

– Керим будет в бешенстве.

– У меня три роты штурмовиков на борту, – поведал Реннер. – Еще столько же находится на территории нашего посольства. Мы будем вас охранять, как ценное вложение в наше общее будущее.

– Меня пугает, когда военные начинают разговаривать такими пафосными фразами, – сказал я.

Он вздохнул:

– Я теперь больше придворный, чем военный.

– Жалеете?

– Каждый служит там, где он может принести Империи большую пользу, – сказал Реннер. – Да и жалетьто, в общем, не о чем. Большой войны сейчас нет, а когда она начнется... кто знает, что будет тогда. Может быть, император опять призовет меня на службу, когда древний флот скаари вплотную подойдет к нашим границам.

До этого еще целых два десятка лет, а Реннер уже немолод, так что шансов вернуться во флот у него немного. Скорее всего, он и сам это понимает и просто тешит себя надеждой. Счастлив тот, кому есть на что надеяться.

– Еще кофе? – предложил адмирал.

– Да, пожалуй.

Реннер на правах хозяина подлил мне в чашку горячего напитка. Мы уже два дня подряд встречались за завтраком в его каюте. Каждый раз я задавал ему все новые вопросы, возникшие при изучении исторических документов, а он терпеливо на них отвечал.

– Как продвигается следствие?

– Мы закончили полное ментоскопирование генерала Визерса, но это не помогло ему вспомнить события последних лет. Тем не менее я думаю, что нам удастся закончить следственные процедуры в течение недели, а потом мы сразу отправимся на Левант.

– В столице сейчас весна, – сказал я. – Прекрасное время

года.

– Кленнонцы не так зависят от климата, как люди. Наши тела приспособлены к выживанию на самых разных планетах.

– Я знаю. Просто... я давно не видел весну. На Веннту была осень, а до этого я сидел то на летнем курорте, то посреди пустыни, а то и вовсе прыгал в скафандре по непригодной для жизни планете.

– Я десятки лет провел на космическом корабле и вообще не видел ни одной из планет, – напомнил Реннер. – В какой-то момент я вообще перестал верить, что они существуют.

Да, точно. Наверное, если бы я был на его месте, у меня бы развилась боязнь закрытых пространств, и черта с два кто-нибудь смог бы уговорить меня снова отправиться в космос.

И все же я немного завидовал этому кленнонцу. Он служил тому, во что верил, в его жизни был смысл, в конце концов, он был частью этого мира. А я... вечный представитель чужих интересов, по большому счету не веривший ни в монархию, ни в демократию, оказавшийся тут случайно и так и не вписавшийся ни в одну из существующих систем.

Любимого дела, которому можно было бы посвятить всю жизнь, я себе здесь так и не нашел. Военная карьера не задалась, а потом выживание требовало слишком многих усилий, ни на что другое у меня просто не оставалось времени.

Зато не скучно.

Когда-то, в далекой молодости, оставшейся на Земле, именно это казалось мне главным. Теперь я был бы не против тихой и респектабельной жизни законопослушного гражданина, примерного семьянина и настоящего столпа общества. Но, видимо, теперь уже не судьба. Не те нынче времена, и если какому-нибудь обществу и суждено выстоять, поможет ему в этом только сила оружия.

– Да, кстати, – сказал Реннер. – Девушку, о которой мы говорили, сегодня должны доставить на борт.

– С ней все нормально?

– Боюсь, что нет. Физически она в норме, но медики говорят, что возникли определенные сложности с долговременной памятью. Боюсь, что у нее криоамнезия.

– Как у Визерса? – спросил я.

– Хуже, чем у Визерса. Генерал потерял всего полтора года, она – значительно больше.

– Насколько больше?

– Я не вдавался в подробности, – сказал Реннер. – Но не менее десяти лет. Я дам распоряжение энсину Бигсу, чтобы он проводил вас к доктору, который будет заниматься ее дальнейшей реабилитацией.

– Спасибо, – сказал я, но внутри у меня все оборвалось.

Если Кира потеряла десять лет, то она меня не узнает. Похоже, я продолжаю терять своих друзей, и теперь, как бы парадоксально это ни звучало, самым близким человеком для меня станет бывший полковник СБА Джек Риттер.

Глава 6

Рукоять меча стала скользкой от крови. Левая рука ныла от количества принятых на щит ударов, кольчужная рубашка давила на плечи. Приходилось прикладывать большие усилия, чтобы просто устоять на ногах, но похоже, что поле боя осталось за нами.

Солнце клонилось к закату, придавая проплывающим по небу облакам кроваво-красный оттенок. На земле крови пролилось еще больше.

Поле устилала тела мертвых и умирающих, отовсюду слышались стоны. Над головами уже начинало кружиться воронье. Одинокие фигуры бродили меж телами: кто-то добивал раненых врагов, кто-то высматривал, чем можно пожить-ся.

Огромный бородач со старым шрамом поперек лица хлопнул меня по плечу так сильно, что заставил скривиться от боли.

– Это была славная битва, – сказал он.

– Да, – согласился я. – Славная.

– Я видел, сегодня ты убил многих.

– С тобой мне все равно не сравниться, Рольф.

– Когда-нибудь ты станешь воином, не менее прославленным, чем я.

– Разве такое возможно, Рольф?

– Не льсти мне, – он расхохотался. – В этом мире нет ничего невозможного, Торбьерн. Когда я уйду в Валгаллу, кто-то должен будет занять мое место. Вполне возможно, что это будешь ты.

Я моргнул и обнаружил, что лежу в своей кровати на борту «Таррена Первого».

Черт побери, и что это было?

Юный энсин Бигс сказал, что доктор Кинан готов принять меня в три часа корабельного времени, я вернулся в свою каюту и решил вздремнуть после раннего завтрака, и мне приснился сон. Очень странный сон. Конечно, раньше мне снились и более удивительные вещи, но сегодняшнее сновидение показалось мне очень знакомым.

Дежавю. Как будто это со мной уже было, как будто это произошло на самом деле, как будто я рвался в атаку, размахивая мечом, и справа от меня мчался на врагов Рольф Кровавый Топор, раскручивая над головой свое страшное оружие, и враги трепетали от ужаса, узнав ярость берсерка...

Наверное, завтрак оказался слишком плотным.

Я сел в кресло, уже привычным движением запустил терминал и уставился в монитор. Приснившаяся картинка не выходила у меня из головы. Как меня назвал этот парень? Торбьерн. А прозвище? Если я был викингом, у меня должно было быть какое-нибудь грозное прозвище, не так ли? Валькирии не унесут в Валгаллу просто Торбьерна.

– Уроборос укусил себя за хвост, – пробормотал я. – Тут-то и выяснилось, что у него ядовитые зубы.

Это все фигня. Риттер вон вообще по-русски начал разговаривать...

Для кленнонца доктор Кинан был высок и худощав. На практике это означало, что его макушка едва не доставала мне до подбородка, а в объёме он был всего в полтора раза шире меня. А не в два, как в случае с кленнонцем, обладающим стандартными для этой расы габаритами.

Энсин Бигс сказал, что будет ждать меня у входа в медицинский отсек. Я уже вполне мог передвигаться по их кораблю самостоятельно, даже в зонах с нормальной для кленнонца силой тяжести, но Реннер настаивал, что у меня должен быть провожатый. Наверное, опасался, что я забреду куда-нибудь не туда и сверну себе шею, поставив крест на порученной ему дипломатической миссии.

– Присаживайтесь, – сказал доктор Кинан. – Как я понимаю, вы хотите поговорить о каком-то конкретном пациенте?

– О капитане Штирнер, – сказал я. – Это девушка, которую доставили на корабль с последней партией размороженных...

– Да, адмирал Реннер просил обратить на эту пациентку особое внимание. – Я отметил для себя, что доктор назвал Реннера адмиралом, не герцогом. – Случай средней тяжести.

– Средней?

– Моторика и мозговая активность на нормальном уровне, – пояснил доктор. – Пациентка может ходить, оперировать предметами, не утратила социальных навыков и помнит, кто она такая. Из памяти выпали только последние годы жизни. Это случай средней тяжести. Бывает значительно хуже, знаете ли. Пациенты ходят под себя, не умеют говорить, не понимают, где находятся...

– Сколько именно она потеряла?

– Судя по нашей беседе, она считает, что ей пятнадцать лет, и она собирается поступать в летнюю школу, – сказал доктор. – Так что я бы предположил, что выпало около двенадцати лет. Она запаниковала, обнаружив себя в нашем обществе, но мне удалось ее успокоить и объяснить ситуацию. В пятнадцать лет она уже знала о криоамнезии.

– Память еще может к ней вернуться?

– Такая возможность существует всегда, – кивнул доктор. – Но я бы на это не надеялся. Сканирование показало, что ее организм уже подвергнулся криозаморозке меньше чем за год до ее повторного помещения в стазис. Риск в таких случаях возрастает в разы.

Визерс, сукин ты сын. Похоже, что это все из-за тебя.

– Но все же, какова вероятность, что память вернется? В процентном отношении?

– Девяносто процентов за то, что не вернется, – сказал доктор Кинан. – Но послушайте, это ведь не смертельно. Я

знал людей, которым приходилось заново учиться говорить, снова идти в школу, практически проживать жизнь наново... Здесь же потребуется всего-навсего восстановить навыки и...

– Она была пилотом, – сказал я. – Такие навыки за месяц не восстанавливаются.

– ВКС Альянса все равно больше нет, – напомнил доктор.

– Вы ей так и сказали?

– Пока нет. Мы рассказали ей, что ее корабль был поврежден, а мы прилетели на сигнал аварийного маячка.

– И она поверила?

– Думаю, что поверила. Но рано или поздно ей придется рассказать правду.

– Я могу ее видеть?

– Как давно вы ее знаете?

– Не с шестнадцати лет.

– Тогда она вас не узнает.

– Я не идиот, доктор. Я прекрасно понимаю, что она меня не узнает.

– Тогда я рекомендовал бы вам отложить встречу. Она пытается примириться со своим новым положением на корабле потенциального противника, и появление человека одной с ней расы может вызвать нежелательный эмоциональный всплеск.

– А если бы существовала вероятность, что она меня вспомнит, этого всплеска бы не произошло? – осведомился

я.

– Это зависело бы от того, в каких вы были отношениях. Положительные эмоции ей бы не повредили, но я боюсь, что в нашем случае эмоции будут негативными, а это затруднит процесс дальнейшей реабилитации.

– Понято, принято, – сказал я.

– Скажите, кто проводил прошлую реабилитацию? Я вижу следы кленнонских технологий, что достаточно странно, учитывая род ее занятий.

– Это было в клинике на Веннту.

– Капитан ВКС Альянса в гражданской кленнонской клинике?

– СБА, тайные операции... Вы уверены, что вам так уж нужны подробности?

– Не нужны, – согласился он. – Просто этот вопрос возбуждал мое профессиональное любопытство. Теперь оно удовлетворено.

– Тогда в качестве ответной любезности удовлетворите мое любопытство, – попросил я. – Вы обследовали полковника Риттера?

– Да. Я нахожу его состояние удовлетворительным.

– Он плохо выглядит, чувствует себя еще хуже и жалуется на провалы в памяти.

– Так бывает. Криозаморозка – это сложная процедура, последствия которой могут быть самыми разными. Полковник Риттер не говорил мне, что у него провалы в памяти.

– Наверное, он об этом забыл.

– Команда медиков на вашем корабле действовала с нарушениями инструкции, – сказал доктор. – Особенно это сказалось на первой партии пациентов. Кроме того, в отличие от остальных, полковник Риттер не был абсолютно здоров, когда его помещали в стазис.

– Но ведь стазис придумали как раз для того, чтобы помещать в него тяжелораненых.

– И вам известно, какой процент удается вернуть в строй?

– Нет.

– Чуть больше половины. Остальные в лучшем случае с почетом уходят в отставку и получают пенсию по инвалидности. В худшем... ну, вы понимаете.

– А генерал Визерс?

– Я считаю, что у него нет криоамнезии. Он просто нашел удобный способ не отвечать на неприятные вопросы.

– И сознательно подставил себя под тотальное ментоскопирование?

– Он бы в любом случае его не избежал.

– Это вы говорите как врач или как кленнонец?

– У генерала нет никаких сопутствующих симптомов. Кроме того, криоамнезия обычно затрагивает либо краткий период, непосредственный перед травмой, либо уходит на многие годы назад, как в случае с капитаном Штирнер. У генерала же отсутствуют только воспоминания о последних полутора годах, которые и интересуют адмирала Реннера

больше всего.

– Криозаморозка – это сложная процедура, последствия которой могут быть самыми разными, – напомнил я.

– Да, – согласился доктор Кинан. – Но когда эти последствия оказываются такими удобными для пациента, поневоле начинаешь задумываться.

Конечно, он был прав.

Я мало что смыслил в криореанимации, но у меня тоже возникали подозрения, что Визерс симулирует свою амнезию. Возможно, он просто тянет время, возможно, у него возник очередной хитрый план. Визерс был опасным, лживым и изворотливым сукиным сыном, и на моей памяти ему всегда удавалось выходить сухим из воды.

Его планы работали. Не всегда получалось именно так, как он хотел, но это не всегда от него одного и зависело.

– Я могу вам еще чем-то помочь? – поинтересовался доктор, видимо, намекая, что его время не безгранично.

– Я все же хотел бы увидеть вашу пациентку, – сказал я. – Пусть не лично, а на экране. Вы не могли бы это устроить? В медицинском отсеке наверняка должна быть система видеонаблюдения.

– Смотрите. – Доктор развернул монитор в мою сторону и вывел на него картинку.

Камера была установлена в углу, почти под потолком, чтобы охватить все пространство палаты. Кира сидела на кровати, поджав ноги под себя, и по ее лицу текли слезы.

– Вы сказали, что она примирилась со своим новым положением, – сказал я, чувствуя, как внутри поднимается гнев.

– Я сказал, что она пытается.

– Она плачет, – сказал я. – Вы сказали, что мой визит может нарушить ее эмоциональное состояние, но она и так плачет.

– У нее сейчас эмоции пятнадцатилетней девочки, – развел руками доктор. – В таком возрасте слезы – это нормальная реакция на стресс.

– И вы считаете, что просто сидеть и смотреть – это тоже нормально?

– Я могу дать ей успокоительное или снотворное, но это не поможет смириться с реальностью. Она должна принять мир таким, какой он есть, и это может сделать только она сама.

– Вы часто сталкивались с такими ситуациями во время практики?

– В учебниках они описаны достаточно подробно.

– В учебниках? Вы уверены, что вы криохирург?

– Я не криохирург. Но я лучший специалист на этом корабле и в этой части галактики.

– Потому что только у вас есть учебник?

– Криохирурги не служат судовыми врачами на боевых кораблях, – сказал доктор Кинан. – Они сидят в специализированных клиниках на Кленноне и работают с тем, что им привозят. Если бы оборудование на вашем корабле не было автоматизировано, я не думаю, что мы вообще решились бы

реанимировать кого-нибудь из вас.

– Может, и не стоило, – пробормотал я.

– Мы обсуждали альтернативы, – сказал доктор. – Криосистему «Одиссея» невозможно демонтировать и перенести на «Таррен», так что нам пришлось выбирать всего из двух вариантов. Или вывести вас из стазиса здесь, или вызывать из Империи буксировщик и тащить ваш корабль на Кленнон. Адмирал Реннер предпочел сэкономить время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.